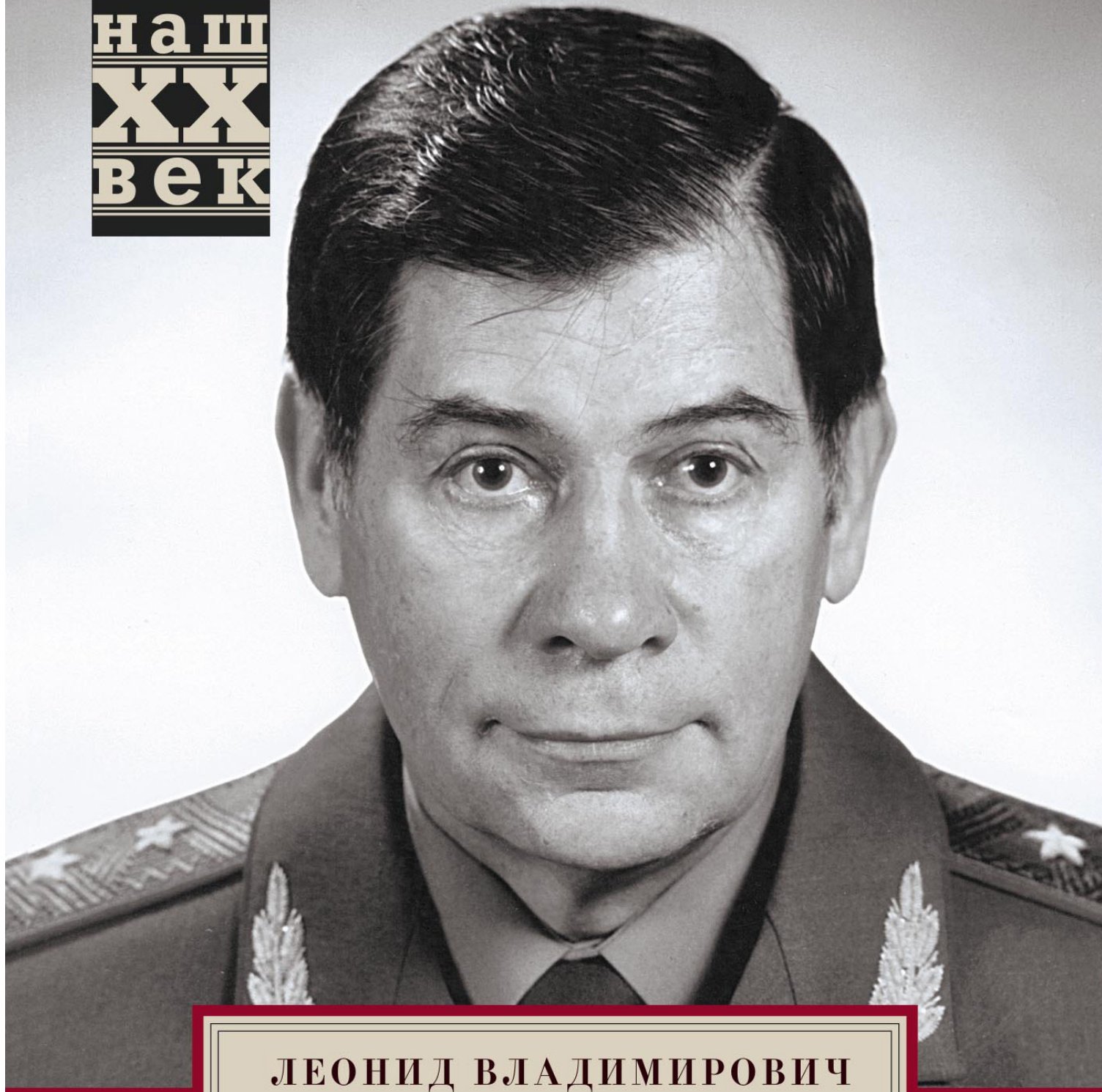

наш
XX
век

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ

ШЕБАРШИН

★
РУКА МОСКВЫ
ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА
ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Наш XX век

Леонид Шебаршин

**Рука Москвы. Записки
начальника внешней разведки**

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Шебаршин Л. В.

Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки /
Л. В. Шебаршин — «Центрполиграф», 2018 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07852-0

Генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин за 29 лет службы прошел путь от оперуполномоченного до начальника советской внешней разведки. Он был очевидцем губительной «перестройки». Эта книга стала итогом длительного, вдумчивого размышления об особенностях профессии разведчика вообще и советского в частности, о сути разведки как таковой, не сегодня и не вчера. Книга писалась автором всю жизнь. В ней нашли место дневниковые записи, зарисовки из путевых блокнотов о Пакистане, Индии, Иране, Афганистане. Ряд глав рассказывает о взаимодействии советской разведки с аналогичными службами бывших братских стран: ГДР, Болгарии, Кубы. Правдивостью, подлинной болью пронизан рассказ об августовском путче, изменившем в сознании автора представление о многих ценностях, которым было принято поклоняться с детства...

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07852-0

© Шебаршин Л. В., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Рука Москвы	6
От автора	6
Зачем нужна моя работа	8
Марьина Роша	12
Карачи	17
Перемена в судьбе	26
Разведшкола	28
Знакомое солнце	32
«Все документы пишутся исполнителем от руки...»	43
«Удержать мадам Ганди за юбку...»	45
«Любите ли вы театр?»	60
Тегеран	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Леонид Шебаршин
Рука Москвы. Записки
начальника внешней разведки**

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

Рука Москвы

Записки начальника внешней разведки

Любит ли свое дерево зеленый листок? Просто – он, лишь с ним связанный, – лишь ему принадлежит. И пока связан, пока зелен, пока жив, должен верить в свое родное дерево. Иначе – во что же верить? Иначе – чем же жить?

Михаил Осоргин

...Любезный приятель!., буде последующее описание жизни моей не будет для вас таково любопытно, весело и приятно, как вы себе воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мне не достанется другого делать, как пересказывать вам только то, что действительно со мною случилось, и вы сами, верно, того не похотели б, чтобы я для украшения моего сочинения или для придания ему более приятности стал выдумывать небывшие или затевать и прибавлять что-нибудь лишнее к бывшим действительно приключениям.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

От автора

23 сентября 1991 года я последний раз вошел в просторный кабинет начальника Первого главного управления КГБ СССР. За окном березовая рощица, тронутая золотом осеннего увядания. Полки с книгами, портрет Ф.Э. Дзержинского и афганский пейзаж на стене, полдюжины молчащих телефонов, ни единой бумаги на столе. На полке фотография улыбающегося маленького мальчика. Это мой внук Сережа.

Я занимал этот кабинет с 6 февраля 1989 года, проводил в нем по 13–15 часов в сутки, работал в выходные дни, читал тысячи документов и беседовал с сотнями людей. Здесь, как мне казалось, ощущалось биение сердца планеты.

Надо запомнить все это. Если когда-то и доведется вновь побывать в этом кабинете, то только в качестве гостя.

С утра я был на Лубянке, в основном здании комитета, и начальник секретариата КГБ Д.А. Лукин по телефону известил меня, что указом президента М.С. Горбачева я освобожден от должности заместителя председателя – начальника Первого главного управления КГБ СССР. Соответствующий приказ подписан и председателем В.В. Бакатиным. Думается, что комитетское начальство могло бы найти более корректный способ сказать начальнику разведки, что его почти тридцатилетняя служба завершилась. Впрочем, это несущественно.

Я прощаюсь с делом всей своей сознательной жизни. Вот это существенно... Человек в молодости не может поверить в то, что жизнь когда-то кончится. Он живет так, будто в удел ему отведена вечность.

Под старость осознание конечности земного существования становится реальностью, неотъемлемой и привычной частью бытия. Об этом напоминают все фотографии давно ушедших из этого мира родственников и друзей; книги, где умные люди былых времен делятся своими радостями и горестями, ведут нескончаемые споры, раздумывают о смысле всего сущего; напоминают об этом старинные здания, покинутые навсегда их обитателями. Так было, так будет впредь.

Случается, что служба и жизнь составляют для человека единое целое, причем все светлые черты того, что именуется жизнью, с течением лет все больше и больше подчиняются интересам службы, растворяются в ней. Неприметно для себя человек начинает тосковать, отрываясь от своего дела, от рабочего места, чувствует себя потерянным в дни вынужденного безделья, которые бывают у него так редко. «Успешная служебная карьера, как и преступление, карается лишением свободы», – иронизирует сам над собой служивый.

Работа, которой долгие годы занимался я, интереснее, увлекательнее всего, на мой взгляд, что могла предложить жизнь. Так мне казалось, и кажется до сих пор. Жизнь – часть работы, и всегда думалось, что они пресекутся одновременно.

Не получилось. Служба кончилась, продолжается жизнь. Продолжается и то дело, ничтожной частичкой которого была моя работа. Это дело началось за столетия до моего появления на свет, оно не завершится до тех пор, пока живет Россия. Будут приходить все новые и новые люди, они будут умнее, образованнее нас, они будут жить в ином, не похожем на наш, мире. Но они будут продолжать вечное дело, частью которого были мы и наши безвестные предшественники, они будут служить обеспечению безопасности России. Помогите им Бог!

Незадолго до отставки, в июле 1991 года, журналист спросил меня в интервью: «Что вспоминает разведчик в старости?»

Я ответил ему: «Это покажет очень недалекое будущее». Слова оказались пророческими, и будущее, о котором мы говорили, наступило невероятно быстро. Оно стало моим настоящим.

Разведчику нужна хорошая память. Отставному разведчику нужно умение выборочно забывать. Не замалчивать, а именно накрепко забывать все то, что может так или иначе нанести вред людям живым или бросить тень на память умерших. Прошлое всегда с нами. Неосторожное слово о событии, которое, казалось бы, принадлежит истории, вдруг осязаемо вмешивается в людские судьбы. Вот одно из правил, которым я руководствовался, берясь за перо.

Зачем нужна моя работа

Все живое вынуждено отстаивать свое право на жизнь. Выживает сильнейший – будь то животное, человек, организация, страна. Какое-то время может жить и слабый, но лишь постольку, поскольку его терпят сильные.

Среди бесчисленного множества обстоятельств и причин, влияющих на судьбу индивидуума или общественного организма, решающую роль играет знание как основа действия. Формулой «знание – сила» английский философ Фрэнсис Бэкон выразил универсальный, вечный и важнейший закон природы. Эта формула должна бы стать девизом одного из древнейших явлений в истории человеческого общества – разведки, искусства приобретения и приумножения знания о том, что сознательно скрывается. Уточняющее определение «сознательно» необходимо, поскольку познанием до времени неизвестных предметов и явлений, извечно существующих в природе, занимается наука.

Разведка – инструмент, с помощью которого человек проникает в то, что другой человек пытается скрыть. Возможно и более широкое толкование разведки – выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего. Пример такого разведывательного предприятия дает один из самых ранних (хотя недостоверный в деталях, но неоценимый по проникновению в оставшиеся неизменными на протяжении тысячелетий мотивы человеческого поведения) источников – Библия. Сорок дней и ночей плавал праведный Ной по водам Всемирного потопа, пока не пристал его ковчег к склону Арарата. Мудрый кормчий не стал рисковать жизнями чистых и нечистых, томящихся на борту его судна. Он послал в разведку ворона – безрезультатно, затем голубя – с тем же успехом, и лишь следующий голубь возвратился со свежим масличным листом: Ной узнал, что вода сошла с земли. Это классический пример разведывания обстановки с помощью доступных в то время технических средств.

Казалось бы, все изменилось с библейской поры. Нет ничего общего между техническими средствами наших и тех стародавних времен, но необходимость заменить невежество знанием, неуверенность – определенностью остается.

Разведка должна иметь четко определенные цели для того, чтобы работать эффективно. Постановка целей для разведки – прерогатива и обязанность высшего руководства страны. Эти цели вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством. Чем энергичнее решаются эти задачи, тем результативнее работает разведывательная служба.

В этих условиях складывается четкий механизм обратной связи: поступающая информация побуждает творцов политики к действиям, эти действия, в свою очередь, требуют дополнительных данных. Разведка находится под постоянным контролем государственного руководства, с нее строго спрашивают за ошибки и упущения, но высоко оценивают успехи.

Разведка – инструмент политики. Она не может заменить политику и сама формулировать свои задачи. Ослабление требовательности верхов, отсутствие интереса к разведывательной информации могут вызываться различными причинами. Власть может быть ослеплена сознанием собственного всемогущества и всезнания, она с презрением отвергает все то, что идет вразрез с ее концепциями. Так поступил Сталин накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 году. Иногда надежные и авторитетные источники разведки лишь подтверждают какие-то, ставшие известными ранее данные. Высокопоставленное невежество не преминет в этом случае язвительно отметить, что оно уже читало это в газетах.

Мир секретности и мир открытости не отгорожены друг от друга непроницаемым барьером, они питают друг друга. Разумный политик не ожидает найти сенсационные сведения в каждом разведывательном сообщении. Секретная информация помогает корректировать виде-

ние того или иного процесса или события, вскрывает его реальную подоплеку, позволяет определить дезинформационный компонент.

В информации не нуждается не только высокомерное могущество. Она не нужна и власти, парализованной собственной слабостью. Утрачивая контроль за внутривнутриполитическими процессами, беспомощно наблюдая за распадом государства, дезинтеграцией общества, нарастающей экономической разрухой, такая власть теряет способность проводить осмысленную, самостоятельную внешнюю политику. Власть с закрытыми глазами делает то, что диктуют ей неумолимые обстоятельства.

Любой инструмент – перо, скальпель, компьютер, молоток – полезны только тогда, когда их держат умелые и твердые руки.

Главный вопрос, который рано или поздно встает перед каждым человеком: «Зачем я? В чем смысл моей жизни? В чем смысл моей работы?»

Было бы чрезвычайно наивно отыскивать ответ на вопрос о смысле жизни, и не потому, что вопрос не важен. Трудно ответить на этот вопрос. Можно, пожалуй, остановиться на одном из привлекательных кратких определений «смысл жизни в служении людям» или «... в служении Богу». Но попытка построить логическую цепочку (... в служении людям. А смысл жизни тех людей, которым некто посвящает свою жизнь? В служении другим людям? А для тех, других?) приводит человека в зависимости от склада характера либо к выводу, что «жизнь прекрасна и удивительна», либо что «жизнь бездонна, пуста и бездонна» или «жизнь... такая пустая и глупая шутка».

Это разные полюса поэтического восприятия жизни, которое удивительным образом совпадает с житейски-философскими воззрениями и в конечном итоге ничем не уступает глубокомысленному и неосознанно пессимистическому суждению «жизнь есть способ существования белковых тел».

В качестве отправной точки для дальнейших рассуждений можно взять такую, не бесспорную, но совершенно необходимую для людей нашей профессии дефиницию: «Смысл жизни в служении делу». Не поклонение, не восхваление, не клятвы, не просто работа, не служба, а служение делу. Эта ступень достигается тогда, когда дело становится неосознанным, недекларируемым стержнем существования, когда каждый шаг сообразуется с интересами дела, когда дело, не вытесняя житейские, духовные, интеллектуальные интересы человека, неприметно формирует их, превращая в ненужное и раздражающее все, что способно помешать делу. Если это «психология винтика», то я винтик – в меру своих способностей мыслящий, видящий свое место в порядке вещей, сознательно принимающий и приветствующий свою принадлежность делу, которое дает смысл моей жизни, и благодарный за это судьбе.

Для того чтобы служить делу, надо верить в его правоту, в то, что оно является частью чего-то большего, чем жизнь любого из его участников. Может быть, принять за точку опоры общечеловеческие ценности?

Нам долго морочили голову приматом классового подхода ко всем явлениям действительности. «Морочили» – не потому, что в мире нет классовой борьбы. Понятием «классовая борьба» пользовались как ломиком, который способен взломать любую дверь, пробить любую стену или, в необходимых случаях, голову, дерзнувшему усомниться в мудрости власти. Опора на классовую борьбу, защиту угнетенных и эксплуатируемых в мировом масштабе вела к тому, что политика и идеология нашего государства независимо от своекорыстия, ограниченности или, напротив, благородства и самоотрешенности его отдельных руководителей принимали мессианский характер. Стремлением сказать миру новое слово, помочь миру выпутаться из тенет заблуждений и направить его на путь истинный Россия отличалась издревле. С течением времени и изменением обстоятельств усиливался соблазн перейти от проповедей к практическим мерам. Чтобы привести мир к торжеству социализма, а следовательно, торжеству справедливости для униженных, оскорбленных и угнетаемых, к торжеству классового

подхода, нужны были жертвы со стороны тех, чьим трудом, кровью и потом создавалось наше Отечество, – со стороны трудового народа России. Во имя классовой солидарности его доля в общечеловеческих ценностях – хлеб, жилье, работа, свобода – неумолимо урезалась.

Времена изменились. В основе политики – «общечеловеческие ценности». Однако десять заповедей, Тора, Коран, Зенд-Авеста, Гуру Грантх Сахиб, Веды и прочие священные тексты не мешали людям на протяжении столетий грабить, жечь огнем, топить в воде, насиловать друг друга. Христианские, мусульманские, арийские и прочие ценности, воспринимавшиеся их носителями как универсальные и окончательные, служили моральным оправданием неисчислимого множества сокрушительных войн и набегов – от Крестовых походов до вторжения Гитлера в Россию. Эти же ценности освящали и вековую несправедливость разделения человечества на богатых и бедных, на сильных и сирых и убогих, бояр и холопов.

Таким образом, мы оказываемся между Сциллой «классового подхода» и Харибдой «общечеловеческих ценностей». Судя по историческому опыту, неразборчивое применение последних совершенно определенно принесет не меньше горя, чем применение первых. В конце концов, лом остается ломом, даже если его назвать, скажем, дирижерской палочкой.

На что же опереться? Частью чего является дело, которому мы служим? Во что верить?

Едва ли стоит перечислять все то, во что по простоте душевной, по привычке полагаться на мнение тех, кто должен быть умнее нас, по легкомыслию верили мы, наши отцы, деды и прадеды. Мы горестно или радостно расставались со старыми заблуждениями лишь для того, чтобы сменить их на новые. Но на протяжении поколений для нас существовали и другие ценности. Мы верили в то, что добром должно воздаваться за добро и злом за зло, что долг платежом красен, что каждый человек, которому хуже, чем тебе, заслуживает сострадания и помощи, что рука дающего не оскудевает, что семья – это не «ячейка», а семья и надо постоянно заботиться о своих дорогих и близких, что почетно «положить душу свою за други своя». Мы верили в то, что мы часть великого народа с великой героической и трагической историей, народа уникального и неповторимого, как единственные и неповторимы все другие народы. Мы верили, что то единство земли, людей и истории, которое называется Отечеством, выручит нас в тяжелый час, спасет от недруга, как спасало оно наших предков от татар, поляков, шведов, французов, немцев. Много сетовали русские люди на свое Отечество, кляли его порядки, временами бунтовали, но сплачивались на его защиту в лихолетье, прощали ему свои беды, ибо знали, чувствовали, верили, что дороже Отечества ничего нет.

Мы есть, мы живы, мы чувствуем себя людьми лишь потому, что у нас есть Родина. На этом мы будем стоять и с этой точки оценивать прошлое, судить о деяниях своих предшественников и современников, взирать в беспокойное будущее.

Так проясняется и суть нашего дела. Благо Отечества, благо народа, живущего на шестой части земной суши, – выше идеологических споров, личной и групповой корысти, политики сегодняшнего дня, выше амбиций и обид.

Но, возражаю я сам себе, видимо, о благе народа, Отечества пекутся и те, кто сейчас в перерывах между зарубежными поездками за чужой счет яростно топчет наше прошлое и настоящее, пытается тащить нас в будущее шведского ли, швейцарского или израильского образца? Разве они не патриоты? Спор на эту тему мог бы тянуться бесконечно. Ясно одно: единое, мощное, сплоченное государство на огромных европейских пространствах не будет оставлено в покое ни Западом, ни Востоком. Причина не в том, что оно угрожает чьей-то безопасности. До тех пор, пока оно существует в таком качестве, в мире невозможна монополия власти – военной, политической или экономической, невозможно господство никакой коалиции.

Возможно ли, что мир изменился, нам никто не угрожает, Запад собирается не грабить, а помочь России? Но для этого надо всего лишь цивилизоваться по западному образцу. Может быть, и возможно, но заплатить за это надо тем, чтобы позволить Западу упорядочить нашу

неустроенную жизнь. А что, если, в отличие от стреляного воробья, мы вновь и вновь даем провести себя на мякине?

Десятилетиями мы следили за маневрами внешних сил, противников и партнеров, выявляли их тайные замыслы, подсказывали направления ответных ходов, вступали в острейшие схватки, несли потери. И всегда, в самых тяжелых обстоятельствах присутствовала мысль – за нами Отечество, мощное, неколебимое государство, за нами великий народ. Мы даже верили словам «бастион мира и прогресса», а иногда «...мира и социализма». Противник не осмелился брать бастионы штурмом. Он добивается своего измором и изменой.

Борьба за Отечество продолжается на новых рубежах. Они неизмеримо ближе к сердцу России. Доля вины за все происходящее лежит и на нас. Так нужно ли сегодня наше дело? Нужно. Необходимо.

Марьи́на Ро́ща

Когда-то стоял в 14-м проезде Марьиной Рощи двухэтажный деревянный домишко под номером 15. Окружали его такие же серенькие домики с подслеповатыми окошками, дырявыми крышами, «удобствами» во дворе. Весной и осенью Марьи́на Ро́ща утопала в грязи, летом страдала от пыли и мух. Те деревья, которые когда-то росли во дворах, исчезли вместе с заборами в начале войны – топить было нечем. И пожалуй, не существовало в Москве места, которому так не подходило бы название – роща.

Тесно и скудно жили марьинорощинские обитатели – сапожники-кустари, извозчики, скорняки, рабочие небольших окрестных заводов и мастерских. В каждой квартирке жило по две-три семьи, по семье на комнату, и все пользовались одной кухней, где с трудом помещались кухонные столы. От неимоверной тесноты люди часто ссорились и в то же время охотно помогали друг другу, принимали близко к сердцу чужие горести, хорошо знали всех до единого жителей и своего и окрестных проездов. Были там семьи, искони имевшие репутацию непутевых – пьяницы, бездельники, мелкие воришки. В большинстве же населяли Марьину Рощу трудовые, не шибко грамотные, но очень неглупые, простые и порядочные люди – русские, татары, мордва, евреи.

Дом, в котором я родился и прожил двадцать восемь лет, строили еще до революции. Поселилась там семья Лаврентьевых – дедушка Михаил Андреевич, бабушка Евдокия Петровна, их семеро детей. Семья прожила в этом доме до 1969 года. Конечно, семья изменилась – умирали старшие, появлялись младенцы, отселялись дядя и тетки, погиб на войне мой дядя Евгений Лаврентьев (было ему в ту пору немногим более семнадцати лет). Центром семьи была моя бабушка Евдокия Петровна.

Бабушка (она умерла в 1974 году восьмидесяти восьми лет от роду) рассказывала, что приехала в Москву со своим мужем Михаилом Андреевичем в 1903 году из подмосковной деревни Гари Дмитровского района. Были дед и бабушка мастеровыми людьми, сапожниками, и нанялись в Москве, в Дорогомилове, на работу к хозяину. Обжились в Москве, скопили деньги – оба были работающими и хозяйственными – и переехали в Марьину Рощу, где и обосновались надолго.

Дед мой Михаил Андреевич умер до моего рождения. Знаю по рассказам, что в 1904–1905 годах он участвовал рядовым солдатом в войне с Японией, вернулся революционно настроенным и всячески ругал царя Николашку. Воевал он и в империалистическую войну. Революционером в сегодняшнем понимании этого слова он, конечно, не был и бунтовать не бунтовал, но к власти относился очень критически. Дед открыл маленькую сапожную мастерскую, где работали он сам да бабушка, и так и остался до конца своих дней в разряде кустарей-одиночек. Была такая промежуточная социальная прослойка, не очень в СССР уважаемая, но и не очень хулимая. Бабушка же продолжала заниматься башмачным ремеслом (была она «заготовщицей», то есть делала сапожные и башмачные верха) до старости.

Был у бабушки в тринадцатиметровой комнате, казавшейся тогда нам очень просторной, рабочий уголок – стояла там швейная машинка «Зингер», а на ней были разложены всякие привлекательные для мальчишек предметы: острые сапожные ножи, молоток, мрамор, на котором срезались края кожаных заготовок, кусок свинца для просечки в этих заготовках дырок. Удержаться от соблазна со всем этим поиграть было трудно, и то и дело раздавался горестный бабушкин голос – опять кто-то чинил карандаш сапожным ножом, или забивал гвозди сапожным молотком, или крутил и разладил машину. Тесно было, ребятишек много, и отгородиться или закрыться от них было совершенно невозможно.

Жили мы, несколько родственных семей, в разных комнатах, но все всегда тянулись к бабе Дуне. Ее ремесло и доброта здорово выручали нас во время войны. Очень туго приходи-

лось моей маме, Прасковье Михайловне, которая осталась с двумя ребятишками да ничтожной зарплатой, и если бы не бабушка Дуня, то кто его знает, остались бы мы живы. Ведь поголодать и поесть картофельных очисток пришлось немало – время было суровое. Много работала бабушка, всем многочисленным своим потомкам помогала, и хоть и ругала нас часто, но делала это без злобы. Перестала она брать заказы только тогда, когда состарилась. Тут стала она много читать и горевала, что не удалось ей в жизни получить образования – только и научилась, что читать, а писать практически не умела.

Самоотверженная была женщина наша бабушка. Помню рассказ о том, как в первый год войны пешком ходила она в Орехово-Зуево повидать своего младшего сына Женю, призванного в армию. Ноги отморозила, но дошла и увидела сына в последний раз – ему только-только исполнилось семнадцать лет...

Моя мама была второй дочерью Михаила Андреевича и Евдокии Петровны. Шестьдесят лет Прасковья Михайловна прожила в Марьиной Роще – с 1909 по 1969 год, – и полной мерой одарила ее жизнь всеми горестями и радостями бытия, только, пожалуй, доля горестей и трудностей была заметно больше. В учебе моя матушка, кажется, была не очень прилежна, закончила семилетнюю школу и пошла работать в артель. В 1931 году вышла замуж, в 1935 году родился я, а в 1937-м – моя сестра Лера. Была у нас на все семейство из четырех человек восьмиметровая комната. В ней и спальня, и столовая, и гостиная, и все что хочешь. Тесновато было. Когда я подрос, то спать приходилось на полу. Стояли в этой комнате кровать, диван, шкаф, стол и три стула – вот и все было хозяйство.

Владимир Иванович Шебаршин, мой отец, был коренным москвичом. Семья отца жила в Пуговичном переулке, недалеко от церкви Николы Теплого в Хамовниках, за нынешней станцией метро «Парк культуры». Бабушка по отцу Елена Ивановна Шулюкина происходила из семьи купца из подмосковного городка Талдома, училась в гимназии. Уж не знаю почему, может, была какая-то история в ее молодости, но выдали ее замуж за моего будущего деда, Ивана Кузьмича, как рассказывали в семье, и не по любви, и не по расчету, а просто так, чуть ли не в наказание. Иван Кузьмич служил приказчиком в обувном магазине. Отец его, мой прадед Кузьма Андреевич, был холодным сапожником. Сидел он на одном из углов у Никитских Ворот, под маленьким навесиком. В мороз и в жару, в дождь и в ведро приколачивал косячки, ставил заплатки да набойки. И клиентура у него, видимо, была из бедняков – человеку состоятельному у холодного сапожника делать нечего.

Владимиру Ивановичу много учиться не довелось. Пошел работать на фабрику «Парижская коммуна», вступил в партию, был призван в армию на действительную службу. Ему много пришлось походить в серой солдатской шинели – призывали вновь в 1939 году, а потом, уже надолго, – в 1941-м. Был ранен, награжден орденом Красной Звезды и закончил войну в Венгрии.

Туго нам приходилось без него. Хлеб во время войны давали по карточкам – четыреста граммов в день по детской и четыреста пятьдесят по «служащей» – мама работала в домоуправлении. Добыть какую-нибудь еще еду было невероятно трудно, а меня угораздило однажды потерять хлебные карточки всего семейства на целых десять дней. Вот горе!

Холодно было зимой. Дров давали мало, заборы, сараи, а кое-где и двери сожгли в самом начале войны. Поставили все в своих комнатах железные печки «буржуйки», трубу – в форточку, готовили на них и около них грелись. В школе сидели, не снимая пальто, чернила в чернильницах замерзали (шариковых ручек в ту пору еще не изобрели). Тетрадей тоже не было, и писали на чем придется.

Но самым страшным был не голод и не холод. Для наших старших страшнее всего были извещения с фронта – похоронки. Только один наш маленький дом потерял на войне пятерых молодых ребят, и двое вернулись калеками. Мой дядя Владимир Уваров был ранен зимой 1941 года под Нарофоминском и вскоре умер. Простудился и умер дед Иван Кузьмич, умерла сестра

отца тетя Люба, погиб на фронте ее муж. Мы, маленькие тогда ребяташки, не понимали смысла происходящего и воспринимали жизнь без вопросов, такой, какой она была.

Помню, мама посылает меня, семилетнего мальчика, за газетой. Бегу по Шереметевской к газетному киоску и забавляюсь – опускаю монетку за ворот рубашки, встряхиваюсь – и монета выпадает из штанишек в марьинорошинскую пыль. Мои грудь и живот покрыты фурункулами. Лекарств нет – идет 1942 год. Под рубашкой я обмотан не бинтом (бинтов тоже нет), а куском ткани, отрезанной от старой простыни. К нарывам приложены листья подорожника, будто бы помогающие при воспалениях. Все это меня не очень беспокоит. Опускаю монетку очередной раз за воротник, и – о, горе! – она завалилась за повязку, и извлечь ее никак невозможно. Газету раскупают без меня. Мама не сердится...

Нам повезло: отец вернулся с фронта живым. Еще до войны он сменил профессию и работал в рыбном магазине – тогда коммунистов направляли на укрепление советской торговли. Работал он на Сретенке, потом на Колхозной площади, сразу после демобилизации пошел в рыбный магазин на Арбате, заместителем директора. Жизнь постепенно налаживалась. И налажилась бы, если бы не еще одно последствие войны. Отец, который был раньше трезвенником, приобрел там, в окопах, привычку к спиртному.

Отец был человеком с приятной речью и сдержанными манерами. Сентиментальности за ним не замечалось, да и откуда ей взяться у солдата, прошедшего войну, но был он вежлив с окружающими и внимателен к своим близким. Очень любил отец читать. Благодаря ему появились в нашем доме книги. Вся наша большая родня относилась к моему отцу с уважением, хотя в особенно близких отношениях ни с кем из них он не был. Компаний отец не любил и в трезвом состоянии был молчалив, но, к сожалению, периодически впадал он в запой и преобразался до неузнаваемости. Нет, он не буянил, не бесчинствовал, к прохожим не приставал, а становился невероятно общительным и щедрым, любого встречного и поперечного мог пригласить в гости. Кончалось это всегда тяжелым болезненным похмельем, сердечными приступами, зарокami больше не пить, а через какое-то время все начиналось сызнова. Завершилось дело трагически. В начале июня 1951 года стал собираться отец на работу, потерял сознание, а через два часа помер от кровоизлияния в мозг. Шел ему сорок третий год. Похоронили отца на Миусском кладбище.

Я учился в девятом классе, сестра – в седьмом, у мамы нашей никакой специальности. Пошла она работать диспетчером на автобазу с зарплатой четыреста рублей тогдашними деньгами, а нынешними – сорок. Быстро пришлось продать немногие оставшиеся от отца вещи, книги. Надо было на наши ничтожные доходы и кормиться, и какую-то одежонку покупать. Жили впроголодь, но, спасибо маме, она не заставила меня прекратить учебу и идти работать. Я же стал хорошо учиться. Переживал за всех, и очень хотелось выбиться в люди, хотя бы для того, чтобы семья могла жить нормально. Учеба пошла легко. Сам удивлялся – все стало понятным, к доске выйдешь – никаких трудностей, пятерка за пятеркой. Закончил школу с серебряной медалью. Было это в 1952 году. Именно в том году отменили для медалистов вступительные экзамены в институты.

Итак, аттестат был, медаль была, не было только ни малейшего осознанного представления, куда же пойти учиться. Я надумал, по совету своего родственника, кадрового военного Владимира Аркадьевича Кочерова, поступать в Военно-воздушную академию имени Жуковского. Документы мои в академии приняли, экзаменов сдавать не надо. Вышла заминка с медкомиссией. Требования там были исключительно жесткие, полежал я денька три в госпитале на обследовании, и врачи посоветовали мне не рисковать – отчислят, дескать, курса с третьего, только время зря потеряешь. Я загоревал, поскольку уже мнил себя военным летчиком-инженером. Что делать? Приятель посоветовал пойти в Институт востоковедения. Почему бы и не податься в востоковеды? Поехал в Ростокинский проезд и без особых хлопот был принят на индийское отделение. Стал учить язык урду, все, что касается Индии, – историю, географию,

литературу. Стал получать стипендию – сразу немного полегчало. Но очень немного. Помню, по чьему-то доброму совету обратился в кассу взаимопомощи, и мне выдали ссуду в семьдесят рублей на покупку ботинок.

Учиться было легко и интересно. Непривычна была сама обстановка. В военные и послевоенные годы в школах обучение было раздельное – мужские школы и женские школы, а в институте все вместе, все чувствуем себя взрослыми людьми и этим щеголяем друг перед другом. Преподаватели с нами обращаются как со взрослыми, на семинарах можно говорить умные вещи, и урду пишется такими закорючками, что никто понять не может, а ты понимаешь. Первую сессию я сдал на пятерки, а уж потом так и сдавал все экзамены только на «отлично» до самого окончания института. Лишь за дипломную работу получил «хорошо».

Взрослая жизнь для мальчишки таит много опасностей, ощущение самостоятельности кружит голову. К счастью, иммунитет от дурных влияний выработался, видимо, еще в Марьиной Роще. Учился, играл в футбол, бегал, катался на коньках. Институт давал редкую возможность удовлетворять страсть к чтению, которой я, насколько могу припомнить, «заболел» в первом классе, как только научился читать. Приятели мои оказались людьми читающими, имеющими доступ к книгам, о которых я только слышал. Сейчас эти книги широко издаются, но времена тогда были другими. Не одобрялись Достоевский, Андреев, Есенин, практически все поэты предреволюционной поры, только что были подвергнуты опале Ахматова и Зощенко. Помогала учиться, конечно, студенческая среда, в которой все страстно, не по обязанности, а по убеждениям (с оглядкой, конечно: даже молодежь в ту пору должна была быть осмысленной), горячо обсуждалось, а из этих обсуждений и складывалось не вполне ясное, но достаточно прочное впечатление, что живем-то мы во времена необычные и великие. Конечно, о величии времен и живых вождей мы и читали, и слышали ежедневно и ежечасно, но происходило свое неофициальное и неформальное осмысление действительности, пробивались росточки собственного мышления.

В марте 1953 года умер Сталин, его смерть показалась нам, мальчишкам и девчонкам, катастрофой. Шли по Москве бесконечные мрачные траурные колонны, возникала чудовищная давка на перекрытых улицах, гибли в них десятки, а может быть, и сотни людей, как это было при спуске с Рождественского бульвара на Трубной площади. Пытались и мы с приятелями пробиться в Колонный зал. Нам намяли бока, оттоптали ноги, мы промаялись в огромной толпе у Петровских Ворот всю ночь и лишь утром, несолоно хлебавши, возвратились по домам.

Катастрофы, как нам думалось, не произошло, а улучшения в нашей общей жизни намечались довольно скоро. Это был наглядный урок здравого исторического смысла. Каким же образом, почему никто так долго не мог понять, что вождем нашим был человек далеко не безупречный, мягко говоря? Как же можно было все, что удалось сделать на протяжении многих лет огромному народу, считать результатом гениальности, проницательности, железной воли, мудрости одного-единственного человека? Вот на такие вопросы мы пытались ответить. Да разве только мы?

Под шум всеобщих преобразований упразднили наш Институт востоковедения и перевели нас в 1954 году в учреждение, само название которого вселяло трепет в наши сердца, – в Институт международных отношений. Оказалось, что и там учатся такие же люди, как и мы, некоторые поумнее, некоторые поглупее, а в общем обычные студенты. Располагалось тогда здание этого института у Крымского моста.

Мы – «восточники», коренные мгимовцы – «западники». Помещений в институте не хватает, учимся в две смены. Нас, «восточников», стало меньше, часть наших сотоварищей перевели в другие институты, и держимся мы друг за друга крепче. Я близко схожусь с Витей Прокуниным. Он книжник, умница. С нами Борис Васильев – бывший танкист, человек основательный, уже умудренный жизнью, неназойливо, по-доброму опекающий нас, вчерашних школьников. В наш кружок входит и Седа Алиханянц, дочь одного из создателей совет-

ского ядерного оружия академика Абрама Ивановича Алиханова, красивая, скромная и умная девушка. (Она и Витя Прокунин скоро поженились. Так появилась первая, пожалуй, семья на нашем курсе. Летом 1973 года, приехав в Москву в отпуск, я позвонил Прокуниным и узнал горестную весть – Витя умер от инфаркта, оставив Седу с двумя маленькими мальчишками. К тому времени не стало и ее отца, и Седа в одиночку вырастила двух прекрасных, самостоятельных и любящих ее мужчин – Никиту и Максима. С Борисом Васильевым, работавшим в ТАСС, мы сохранили добрые отношения на всю жизнь. При встречах вспоминаем, как ездили вместе на целину, путешествовали по раскаленной равнине Синда, купались в Аравийском море, темной индийской ночью ездили смотреть Сурадждунд – старинный священный водоем под Дели, поминаем старых друзей, увидеться с которыми на этом свете уже не придется. Но до тех пор, пока мы помним и говорим о них, они живы.)

Оттого что я стал учиться в другом учебном заведении, мое благосостояние не улучшилось. Ездить из Марьиной Рощи стало неудобнее и для меня заметно дороже – восемьдесят копеек на автобусе, да еще полтинник на метро в одну сторону. В лучшем случае оставалось денег на стакан чая да пирожок. Дома было голодно. Хотя к тому времени поступила в пединститут Лера и тоже стала получать стипендию, кажется двести сорок рублей, жили мы не просто бедно, а нищенски. Не я один был в таком положении. Приходилось разгружать вагоны или работать на овощной базе. Потом уже, освоив язык урду, я стал подрабатывать в издательстве «средневековым» трудом – перепиской рукописей. Эта работа оплачивалась лучше.

В 1956 году мы побывали на целине, в Казахстане, на уборке первого целинного урожая. Это запомнилось на всю жизнь. Долго ехали поездом, потом на грузовиках прибыли в сердце казахской степи – село Севастополь Урицкого района Кустанайской области. Меня определили помощником комбайнера, и мы с комбайнером Петей из Бреста принялись косить и обмолачивать бескрайнее пшеничное поле. Интересно все было чрезвычайно – степь я раньше никогда не видел, не ощущал сухую степную жару, да и не приходилось руками работать от восхода до заката. Должность помощника комбайнера вообще ответственная и беспокойная, я же был заодно и копнильщиком – то есть вилами солому в копнителе разгребал. Солнце печет, ость пшеничная колючая летит. Ворот рубашки не расстегнешь, кепку не снимешь, да и в бане за три месяца были всего лишь один раз. Все это нас мало беспокоило – работа увлекла. И люди здесь как-то по-другому раскрылись. Учились ведь вместе несколько лет, и все казались друг другу очень хорошими ребятами, а целина показала каждого и с хорошей, и с плохой стороны. Научились кое-чему за лето, узнали, какой ценой достается хлеб, и, что было очень существенно, заработали денег. Вот итог целинного лета для всего нашего отряда. Для меня же это лето стало действительно незабываемым. На одном курсе со мной, на китайском отделении, училась Нина Пушкина. Конечно, мы с ней были знакомы, но не более. В это целинное лето мы увидели друг друга заново, и неразлучны с тех пор уже много-много лет.

Вернулись мы в Москву в сентябре, а в январе следующего года поженились. Снимали комнатенку у деда Нины. Оба получали стипендии, я подрабатывал. Словом, жили как птицы небесные и были очень довольны друг другом. Это и было счастье.

На шестом курсе, в начале 1958 года, меня послали на практику в Пакистан. А в конце того же года мы вместе с Ниной отправились туда же, в город Карачи, в нашу первую долгосрочную служебную командировку.

Ну что же, прощай, Марьиная Роща! Здравствуй, Азия!

Карачи

Мы жили в здании нашего посольства – в старинном, начинающем разваливаться здании. Комната была маленькой и сырой – на полу выступали непросыхающие лужи. Но нам думалось, что лучшего и желать нельзя.

Работа мне показалась очень интересной. Я был назначен помощником и переводчиком посла. Послом был ныне покойный Иван Фаддеевич Шпедько. Он очень хорошо меня принял, многому научил, по-настоящему помог освоиться в незнакомой обстановке.

В июле 1959 года в пакистанском городе Карачи родился наш сын Алеша.

Из тетради воспоминаний

В пасмурную, с дождями и снегами, с ледяным ветром и туманами погоду мне часто снится мой Восток, места, где провел большую часть своей жизни.

Карачи и Равалпинди, Пешавар и Лахор, Дели, Тегеран, Решт, Энзели, Исфаган, Кабул, Герат сливаются во снах в один причудливый город.

Я живу в этом городе, разговариваю на урду и на фарси и удивляюсь, что еще не забыл эти языки, вижу снежные вершины гор, подступающих к самому городу, и изогнутые дугами ветви пальм, люблюсь окутанной дымкой панорамой города с минаретов, иду по узким, горбатым, мощенным крупным булыжником улочкам и вдруг оказываюсь на широком зеленом, залитом солнцем проспекте. Или бегу по горной тропе вдоль извилистой и бурной речки.

Я дышу азиатским воздухом – во сне он лишен запахов, но я знаю, что он пахнет остро и пряно, им дышится легко даже в жару.

Азия зеленых радостных гор и мрачных, отвесно вздымающихся к небу кряжей, Азия ослепительно чистого, тончайшего песка побережья Аравийского моря и выжженных красноватых пустынь, уличного веселого многолюдья и разъяренных, беспощадных слепых толп, Азия одуряющей жары и живительной прохлады – эта Азия у меня в крови. Я прошу судьбу, чтобы эта Азия снилась мне до конца моих дней...

Пешавар. Март 1958 года. Рано утром я шагнул из двери маленького кирпичного коттеджа на лужайку университетского городка. Просторная зеленая равнина, окаймленная вдалеке крутыми снежными горами. В прозрачайшем воздухе каждая складка на склоне гор, каждый уступ видны так отчетливо, будто какой-то художник-гигант нарисовал их искусным карандашом, тонко заштриховал и подкрасил акварелью. Беспредельное небо можно увидеть и в море, и в степи. Но в предгорьях отдаленные вершины подчеркивают глубину легкого, нежно сияющего бирюзой свода. Ласково касается лица, осторожно трогает его теплыми лучами весеннее пешаварское солнце. Мелкими желтыми цветами усеян кустарник, и теплыми волнами идет от него сильный медовый аромат.

Все это – солнце, голубое небо, горы, зеленая равнина, запах меда, волшебная неосязаемость воздуха; живая тишина – жужжание пчел, птичий щебет, шорох гравия под ногами, – все это отпечаталось в памяти не отдельными образами, а целостным, небывало радостным ощущением счастья. Мне было двадцать три года.

* * *

Должность помощника и переводчика посла показалась мне многотрудной и интересной. Она давала возможность познакомиться со многими крупными деятелями Пакистана, иностранными послами, видными бизнесменами, учиться искусству дипломатической беседы,

узнать многое, недоступное младшему сотруднику посольства. В 1959 году я был назначен на должность атташе, по этому случаю сшил костюм у лучшего пакистанского портного Хамида и почувствовал себя дипломатом.

В 1960 году послом СССР в Пакистане стал М.С. Капица – человек необъятной эрудиции, широкой души и неортодоксальных взглядов. Михаил Степанович курил сигары, любил выпить хорошего коньяку, прекрасно говорил по-китайски и по-английски и остроумно шутил. Переводчик был нужен послу для записи бесед, выполнения поручений, поездок по стране, где без знания местного языка обойтись трудно. Работать с Капицей было легко.

В январе 1961 года молодой министр природных ресурсов Пакистана Зульфикар Али Бхутто пригласил Капицу с супругой посетить родовое имение семьи Бхутто в Ларкане.

Посол и его жена, Лидия Ильинична, отправились в дорогу поездом до Саккара, а из Карачи был выслан «додж» с водителем и переводчиком. Переводчиком был я.

Из записных книжек

...В январе прохладно даже в Синде и его главном городе Карачи, расположенном на каменистом берегу Аравийского моря и окруженном с трех сторон пустыней, красновато-серыми безжизненными холмами с редкими зарослями кактусов. Совсем редко мелькнут высокие безлистные кусты акации, маленькие озера с каменистыми берегами и стаями птиц на воде. Голо, пусто, неуютно.

Наша машина проскакивает Татту – заброшенную столицу мусульманских правителей Синда. Полуразрушенные ажурные, украшенные богатой резьбой павильоны из красного камня, гробницы ханов и эмиров, кактусы торчат жесткими щетками под ярко-голубым небом. Необъятные чужие дали. Чужая история.

За Таттой чаще попадаются обработанные поля, пасутся стада коз – длинные висающие уши, головы молотком. Козы встают на задние ноги и общипывают веточки акаций. Независимые и озорные мальчишки-пастухи вооружены маленькими топориками на длинных, как пики, топорищах. Это и посох, и инструмент, помогающий пробираться в колючих зарослях.

На горизонте время от времени появляются купы высоких деревьев. Значит, там есть пруд или канал. Заманчиво в пустынной местности выглядит их тень, приятно поглядеть на текущую в канале воду – шоколадно-серого цвета, красноватого оттенка, густо-коричневую, но всегда живую. Где есть вода – есть жизнь.

Сияет азиатское солнце, но не палит безжалостно (зима!), не пытается иссушить тебя, а лишь приятно согревает. Ни ветерка, ни шелеста листьев, только птичьи крики да журчание воды.

Проходит вдали караван верблюдов, и приглушенно доносится звук караванных колокольчиков. На шее каждого верблюда подвешен пустотелый медный цилиндр, издающий глубокий, мягкий и очень неспешный, как сама поступь этих животных, звон. Пахнет прогретой землей, зеленью соседнего поля, горьковатой акацией, даже у воды есть свой едва ощутимый, чуть-чуть болотный, но приятный аромат.

* * *

Вот и Хайдерабад. Незабываем хайдерабадский «Риц» – лучший отель города. Трехэтажное бело-голубое сооружение на пыльной и донельзя запыленной улочке, среди глинобитных заборов, не просыхающих даже в синдской жаре зловонных луж, меж зияющих разверстыми окнами и дверями лавчонок с ободранными вывесками. Постояльцев в этом отеле нет. Народ попроще предпочитает останавливаться в караван-сараях, мехманхане. Люди зажиточные останавливаются у знакомых, у родственников, а служивые – в государственных гостини-

цах, так что прибытие двух непривычного вида людей на большой черной машине вызвало легкую сенсацию в окрестностях дремлющей гостиницы.

Путешественников встречает в дверях босая личность, в европейского покроя брюках и заправленной в них, вопреки местному обычаю, рубашке, менеджер.

Номер – две плетенные из веревок кровати – чарпай, накрытые измызганными, серыми с разводами простынями; санузел – кран в стене и дыра в полу. Решили умыться, пообедать и следовать дальше, о чем и сообщили озадаченному, но не очень огорченному менеджеру.

Обед примечателен обилием перца и мух. Мраморный столик в столовой издали показался черным. Ожидавший гостей официант – рубаха навывпуск и босиком – взмахнул тряпкой, и черная поверхность моментально побелела, а тишина заброшенной столовой сменилась отчетливым жужжанием. Еще взмах тряпки над столом – мушиное войско рассеялось по комнате. Во всяком случае, обращать на него внимание уже не стоило, надо было только следить, чтобы наиболее дерзкие насекомые не пикировали в суп. Перец во всем – в супе, курице, подливке к курице, в тарелке вареного риса. Только в чапати, плоской, свежее испеченной из муки грубого помола лепешке, перца нет.

Простая еда чапати – мука, вода и соль; замешивается тесто, раскатывается тонко, кладется на специальную подушку и одним движением припечатывается на стенку тандыра – врытого в землю глиняного широкогорлого сосуда, на дне которого тлеет уголь. Стенка тандыра раскалена, тесто плотно приклеивается к ней и быстро пропекается. Пекарь берет два длинных железных крючка, запускает их в горловину печи и быстрым уверенным движением (все пекари на Востоке движутся очень быстро и складно) достает благоухающую самым мирным и самым приятным в мире запахом горячего хлеба чапати. Есть ее надо, пока она не остыла.

Грустный городок Хайдерабад. Мрачные, ободранные стены, изукрашенные лишь невообразимой пестроты вывесками и сохнувшим прямо над улицей бельем. Канализации в городе нет. Проложены по улицам стоки для нечистот, но течь им некуда – все высушит палящее солнце и ветер. Ревет динамик, установленный на крыше такого же обшарпанного, как и все вокруг, здания кинотеатра, дребезжащим и оглушительным голосом поет популярная актриса. Пластинка давно истерлась, и аппаратура никуда не годится, но народ слушает с удовольствием.

Женщину в городе можно увидеть только под тяжелой чадрой, квадратное окошечко для глаз заплетено густой сеткой, полы чадры метут по земле. Спешат женщины – их место дома. Мужчины сидят в чайханах, ходят в кино, гуляют, взявшись за руки, по улицам, мирно беседуют на перекрестках, и чужестранец, привыкший к иному виду толпе и иным порядкам, начинает слегка тосковать – очень уныл город без женского лица.

Сердце и душа каждого восточного города – базар. Базар – это не только место, где можно что-то продать и что-то купить, это средоточие жизни. На базар идут за новостями, за дружеской беседой, здесь вершится городская политика, создаются и рушатся репутации, формируется общественное мнение, наживаются и растрачиваются состояния.

Оглушительный звон стоит в медном ряду. Десятки молоточков выбивают замысловатые узоры на медных блюдах, стаканах, кувшинах, привычно чертит мастер рисунок – то же чеканил его отец, дед, прадед, его же будет выводить и сын до тех пор, пока сохранится спрос на медную посуду.

Улочка переходит в улочку, товар сменяется товаром, и за каким-то поворотом резкий, всепроникающий запах сточной канавы, конюшни и отхожего места – так пахнут старые восточные города – вдруг смешивается с острым пряным ароматом. Стоят открытые мешки со всеми мыслимыми сортами перца красного, черного, зеленого, в стручках, горошком, молодого, тертого, здесь же деревянные лари с корицей, гвоздикой, диковинными, неизвестными нам специями, стеклянные банки с душистыми травами, и над всем этим великолепием, втиснутым в маленькую лавчонку, сияет темно-красная, густая, окладистая борода хозяина – будто с умыслом окрасил он ее в цвет красного перца. Рядом такая же лавчонка, и напротив, и еще,

и еще. Закрой глаза, почувствуй симфонию ароматов, она не повторится ни в Карачи, ни в Лахоре, ни в Пешаваре, только здесь, в Хайдерабаде, меж старых кирпичных стен, в прогретом, сухом, совершенно неподвижном воздухе можно ощутить этот древний, как сама Азия, букет.

И снова дорога. Каменистые холмы справа, распаханное поле слева. На красновато-серой земле выступают белесые пятна, будто выпал легкий снежок в этих краях, никогда не знавших холода. Почва заселяется. Понастроили плотины и каналы, избыточное орошение поднимает уровень подпочвенных, соленых вод, они выходят на поверхность, испаряются, оставляют тонкий пушистый слой белоснежной селитры. Больше на этой земле уже ничего не вырастет – еще одна беда для крестьянина. Многие бросают землю, идут в город на заработки, на поденщину – грузчиками, землекопами, чернорабочими, навеки отрываются от родных мест.

Мир суров. В азиатской отсталой стране (термин «развивающаяся страна» был изобретен вежливыми международными дипломатами) действительность жестока, грубое насилие пронизывает всю ткань общественных отношений, полное равнодушие к судьбе соотечественника (неимущего соотечественника) является нормой жизни. Индустриализация, перекачивание разоренного населения в города разрушают традиционные, сохранившие какие-то крохи гуманности, отношения между людьми.

Остановились на ночлег в дак бангла (или бунгало) – служебной «почтовой» гостинице. Когда-то такие гостиницы, учрежденные по всей Индии еще англичанами, предназначались для командированных чиновников. Бунгало – небольшой, построенный в английском колониальном стиле, расположенный на просторной и опрятной лужайке, за невысоким забором дом. Высоченные, в два с лишним человеческих роста, потолки, закрытые ставнями большие окна и высоко под потолком окошки поменьше, для притока воздуха. Та же самая, универсальная для здешних мест мебель – чарпай, стол и два стула. Пустовато, пыльно. Электричество не проведено, и с потолка вместо привычных вентиляторов свисает стародавняя панкха – обтянутая материей деревянная рама, подвешенная за один край к балке. От нижнего края панкхи идет к полу длинная веревка, и обязанность слуги (у каждого джентльмена, останавливающегося в бунгало, должен быть слуга) заключается в том, чтобы с ее помощью равномерно раскачивать панкху и создавать ветерок в помещении. Дело, по видимости, нетрудное, но каких усилий стоит сидящему на полу и плавно, ритмично дергающему веревку человеку не уснуть в расслабляющей жаре. Зимой панкха, к счастью, не нужна.

Тьма в этих краях приходит внезапно. Только что было светло, подкатило солнце к горизонту, окрасило полнеба во все оттенки красного цвета, завалилось за холмы, и через несколько минут устанавливается непроглядная темень. Смотри на звездное небо в полной, не нарушаемой ни одним звуком тишине – даже собаки умолкают в деревне, а шакалы еще не вышли на охоту. В такие минуты охватывает человека ощущение первобытного умиротворения, покоя, смиренного принятия своей ничтожной малости под черной твердью, сверкающей неисчислимым множеством голубоватых ярких огней. Огни мерцают, переливаются, вроде бы даже спускаются поближе к земле, слегка перемещаются и застывают, как только глаз пытается уловить их призрачное движение. На каждого жителя нашей планеты хватило бы по звезде, да жаль, не достанешь, не доедешь, не долетишь!

Издалека доносится протяжный, прерывистый скрип. Волокут круторогие быки тяжелые синдские повозки – колеса выточены из цельного кругляка больше метра поперечником, окованы медными узорчатыми бляхами. Смазки они не знают, трется сухая деревянная ось о деревянную же ступицу и издает звук, тянувшийся за обозами Тамерланова войска и арабских завоевателей и, пожалуй, самого Александра Македонского. Один из голосов вечности. В Синде часто думается о времени – здесь все из прошлого, из того, что давным-давно минуло для нас. Путешественник начинает вдруг понимать, что время, его части, именуемые эпохами, идут по-разному для разных народов, где-то проскакивают вперед, а где-то задерживаются на века, застывают в неподвижности, дремлют под скрип немазаных колес...

Встречаем в Санкаре посла с супругой и направляемся в Ларкану. Скоро появляются признаки подготовки к приему высокого гостя – советского посла. Смуглые худощавые люди поливают из кожаных бурдюков дорожное полотно. Въезд в город украшен триумфальной аркой, улицы подметены и политы, многолюдны. Еще бы – приехал сам министр, он принимает иностранных гостей, и, разумеется, каждый житель рад поучаствовать в демонстрации гостеприимства, радушия, дружелюбия. В лепешку расшибается собранная со всей округи провинциальная полиция. Мундиры выстираны и отглажены, медные набалдашники на бамбуковых палках – латхи – начищены до блеска, сияют бляхи, пряжки, ослепительно-белые зубы. Беспорядков не предвидится. Всем понятно, что происходит что-то вроде смотра, поэтому настроение и у толпы, и у полицейских доброе. Бравый инспектор, встречающий гостей у ворот дома министра, пытается низко поклониться, разводит широко руками и чуть приседает. Согнуться в поясице он не в состоянии по причине чрезвычайной тучности, но всем видом выражает готовность стремительно и неуклонно исполнить любой приказ.

Современный, строгих очертаний двухэтажный особняк министра выглядит в Ларкане чужеземцем – подтянутым, элегантным, богатым, с некоторым высокомерным недоумением взирающим на разномастное, простецкое окружение.

Дома в Ларкане похожи на небольшие крепости с тяжелыми, наглухо закрытыми дверьми или же слеплены из глины и стремятся расползтись по земле. Новенький особняк словно перенесен сюда из другого времени и другого края.

То же в самом доме и вокруг него. Влиятелен министр, популярен, современен, но его жена, Нусрат Бхутто, образованная молодая женщина, не рискнет появиться на улицах Ларканы без чадры. Старинные узы связывают собравшихся в саду возле дома званых и незваных гостей – близких и дальних родственников, глав дружественных кланов, старцев, чьи семьи поколениями служили семейству Бхутто, чиновников. Хозяин прост в обращении, каждого гостя знает по имени, и тем не менее прослеживается во всей церемонии строгая, понятная каждому из присутствующих иерархичность. Идет средних лет человек, в европейском костюме, красной рубашке, с лихими, закрученными кверху усами, идет походкой небрежной, улыбается обаятельно. И министр ему рад. Они обнимаются, как и положено двоюродным, давно не видевшим друг друга братьям. Целое семейство низко кланяется министру, по очереди тянутся руки к пыли у его ног. Зуль-фикар Али не дает склониться старшему, ласково здоровается с ним, позволяет другим поклониться пониже. Вот фигура невзрачного вида, лет двадцати пяти, одетая попросту – пиджак, рубашка навывпуск, широкие шаровары. Опережая других, подходит к министру, небрежно протягивает руку и неожиданно высоким петушиным голосом здоровается. Это Султан Магси – отпрыск старинного рода синдских джагирдаров, не уступающих ни богатством, ни знатностью роду Бхутто. Султан отпускает какую-то шутку, окружающие улыбаются, министр изображает улыбку – гость ему не очень нравится.

Султан появляется в доме министра и за обедом, так же небрежно усаживается за стол и громко подтрунивает над именитым застольем. Между делом выясняется, что Султан коллекционирует винтовки (гладкоствольные ружья его не интересуют) и собрал их ни много ни мало две тысячи стволов. Достаточно, чтобы вооружить ополчение, и, пожалуй, коллекция с такой мыслью и собирается – мало ли что может произойти. Совсем недавно, меньше двадцати лет тому назад, Синд бунтовал против англичан, крови пролилось достаточно, был повешен вождь восстания Пир Пагаро, а от Ларканы до Пагаро рукой подать.

Для посла же подготовлена развлекательно-познавательная программа. Пожалуй, вся поездка затевалась министром не только для того, чтобы поговорить с послом о политике. Зульфикар Али прекрасно знал цену личной популярности и массовой поддержки. Министр и посол ездили вместе по синдской глубинке, выступали с речами перед народом, обменивались рукопожатиями, выслушивали сетования и жалобы, дарили подарки. Министр и посол вместе выступали на митинге в Ларкане. Министр обращается к слушателям – «дорогие бра-

тья и сестры». Оратор он прекрасный – зачаровывает публику, не оставляет равнодушным ни одного из сотен слушателей. О чем говорит министр? Что говорят вообще «большие» люди простому пакистанцу? (Один из родственников Бхутто кратко переводит речь министра для советских гостей.) Конечно же о справедливости, о том, что каждый должен трудиться и жить по предначертаниям Всевышнего, о том, как правительство фельдмаршала Айюб-хана отечески заботится о всех гражданах своей страны, не отдавая предпочтения богатому перед бедным и образованному перед неграмотным. Говорит министр и о земельной реформе, о коррупции, о внешней политике. Сказаны добрые слова в адрес Советского Союза, посол которого почтил своим посещением Ларкану. Говорит министр складно, живо. Хороших ораторов в стране много (этому искусству в школах и колледжах по доброй английской традиции учат сызмала), Зульфикар Али – один из выдающихся. Аудитория отвечает аплодисментами на каждую фразу выступающего за министром советского посла. Посол говорит о дружбе, об уважении, которое испытывает советский народ к народу Пакистана, и в особенности к синдхам, хвалит министра. Теряется в переводе живость и остроумие его речи, но тем не менее все довольны – митинг получился торжественным, теплым и интересным. Сотни его участников пойдут по своим деревням и долгие месяцы, а то и годы будут рассказывать о министре, о после, о Советском Союзе.

Район Ларканы славен на всю старую Индию и за ее пределами утиной охотой. Здесь неподалеку даже есть город Шикарпур – охотничий город. Множество мелких озер, болот, поросших тростником, обильный корм неудержимо тянут водоплавающую птицу, и слетаются ее сюда на зимовку видимо-невидимо.

Каждый охотник размещается на отдельном озерце. От первого же выстрела стая уток поднимается на крыло, но по дневной жаре далеко не летит, устремляясь к ближайшей

воде. Там ее ждет другой охотник. От его выстрелов поднимается еще одна стая, и вся эта туча летит к третьему озеру, где ее тоже встречает гром выстрелов и свинец. Так и ходит птица по кругу над охотниками.

Синдхи любят музыку, и хозяева не преминули порадовать гостей концертом. Устроен под деревом помост, перед ним два ряда стульев и сколько угодно места на земле для всех желающих. В Синде никто тебя не осудит, если уважаемый человек развлекает своих друзей музыкой и ты присоединишься к слушателям.

Поют каввали – традиционные народные песни на религиозные темы. Простые стихи, простые сюжеты из жизни пророка Мохаммеда и первых правоверных, простая ритмичная мелодия. Играет певец на гитаре, аккомпанирует ему музыкант на флейте – мурли, да еще один отбивает такт на маленьком барабане – табле. Долго тянется песня, ритм ее постепенно убыстряется, певец, сидящий на помосте, раскачивается в такт музыке, глаза его закрыты, он не замечает слушателей. Какие замечательные, выразительные лица и у певца, и у аудитории! На лице поющего – страдание, даже вдруг слеза заблестела (он поет о внуке пророка, злодейски убитом под Кербелой), и слушатели горюют. Кавваль может довести слушателей до экстаза, до слез, до полного самозабвения.

Вечером поездка по родственникам министра, знакомство с захолустным помещичьим бытом. Мчат в сумерках машины по мягким дорогам, поднимают облака пыли, тонет в пыли угасающее солнце, бегут в сторону стада коз, теснятся к обочине повозки, одинокие всадники и путники. Из кирпичного дома высыпает навстречу орава суесящихся слуг – узнать их можно только по любезной повадке, никак не по одежде. Одеты все попросту, никакой формы, которой щеголяет прислуга в богатых домах Карачи и Лахора, все босиком – носить обувь в жилом помещении не принято.

Помещичий дом в Синде – это не только жилье, но и крепость в прямом смысле этого слова. Наружные стены без окон, двери тяжелые, обитые железными или медными полосами, массивные кованые петли – все выглядит вечным. Трудно представить себе такой дом новым,

да едва ли кто-то из живущих ныне и упомнит, когда он строился. В незапамятные времена поселились в этих местах Бхутто, дом перестраивался, достраивался, расширялся. Такой дом – надежная защита от разбойничьих шаяк, время от времени наводящих страх на округу, и от недругов-соседей и убежище на случай гражданских смут, столько раз потрясавших Синд.

На следующий день отправляемся в Мохенджо-Даро – город мертвых (третье тысячелетие до нашей эры). В середине двадцатых годов археологи неподалеку от Ларканы раскопали настолько старый город, что в памяти живущих не сохранилось даже смутного эха его существования. Написано о Мохенджо-Даро много, а известно мало. Кто были жители города, на каком языке говорили, что за злая участь их постигла – эпидемия ли, голод, завоеватели – все это темно, погребено в тех глубинах, проникнуть куда может только фантазия.

Прямые, ровные и широкие, мощенные кирпичом улицы, окаймленные строгими рядами домов, остатки общественных зданий – стертый временем контур большого города, где кипела жизнь. Знаменитая статуэтка танцовщицы – грациозная, гордая женская фигурка, в музее хранятся скульптурные изображения животных, резные печати с обрывками никому не известных писем.

Грунтовые воды поднимаются, вытесняют наверх всеразъедающую соль, и в Мохенджо-Даро кирпичная кладка покрывается беловато-серым налетом, рыхлеет и разрушается. Древний город мало-помалу исчезает, на сей раз – окончательно. Интересно, что в древнем городе не найдено оружия.

Поездка по Синду, совершенно очевидно, не замыслилась министром как познавательная и развлекательная. Зульфикар Али был политиком, стержень его бытия составляло неукротимое стремление к власти. Для политика такого склада не существует дружбы, глубоких привязанностей, личных симпатий, увлечений, пожалуй, даже морали. Все искусно имитируется, если это надо для достижения главного – власти!

В уютной, безукоризненно чистой, щеголевато обставленной гостиной дома в Ларкане идут конфиденциальнейшие беседы. Советский посол слушает, кивает, соглашается, иногда спорит, но не выходит за ту невидимую дисциплинарную черту, чувство которой присуще каждому настоящему дипломату, в какой бы обстановке он ни оказался.

Министр же отчаянно смел и даже безрассуден в своих высказываниях. Лишь позднее стало ясно, что он согласовал свои действия с Айюб-ханом. И тем не менее Зульфикару Али даже в этих рамках было тесно. Уже в то время он видел себя не министром природных ресурсов (именно этот пост занимал он в январе 1961 года) и не министром иностранных дел, которым он стал позднее, а главой пакистанского правительства и государства.

Зульфикар Али очень любил влиять на людей, размягчать их потоком умных слов, выискивать слабинку у собеседника и бить в одну точку, пока человек не становился воском в его руках.

Зульфикар Али обладал привлекательной, живой внешностью – высокий умный лоб, зачесанные назад, слегка выющиеся волосы тогда еще лишь с редчайшими проблесками серебра, продолговатое, оливкового цвета лицо с крупным, пожалуй, немного длинноватым носом, выпуклыми, отчетливо семитского типа, четко очерченными губами, черные, не очень большие глаза и черные брови. Лицо жило – от души смеялось, улыбалось, хмурилось, негодовало. Молод, жизнерадостен, умен и щедр был тогда Бхутто, и, видимо, свод государственных пакистанских небес, который он готовился принять на свои плечи, казался ему в ту пору, издали, легче пуха.

Америка, держащая Пакистан мертвой хваткой военной и продовольственной помощи, втянувшая его в СЕНТО и СЕАТО, создавшая здесь свои, нацеленные на Советский Союз, базы, Америка, подкупающая пакистанскую бюрократию и военных, наглая, ненадежная, своекорыстная, высокомерная Америка – вот что больше всего тревожило министра. Как бы далеко ни уходила нить беседы, рано или поздно она возвращалась к тому, что Пакистану необхо-

димо сбросить удушающее бремя союзнических отношений с США, обрести не фиктивную, а подлинную независимость. Именно из Пакистана, с американской базы Бадабера, совсем недавно вылетел печально знаменитый шпионский самолет У-2, пилотируемый Пауэрсом. Самолет был сбит над Советским Союзом, разразился невиданный международный скандал, задевший сердце каждого пакистанского патриота, – американцы, разумеется, не считали возможным ставить пакистанцев в известность о том, в каких целях используется Бадабера. На многих высоких постах в Пакистане сидят американские платные агенты, шпионящие за каждым шагом Айюб-хана, контролирующие все действия правительства. СЕАТО и СЕНТО, ни на йоту не обеспечивая безопасности Пакистана, мешают наладить мирные добрососедские отношения с Индией. «И только Советский Союз, – говорил, убеждал, доказывал министр, – может помочь Пакистану разорвать путы нового колониализма».

Многое не получилось из той обширной и заманчивой программы, которую излагал министр послу. Жизнь идет по своим законам, государство отыскивает свое место во всеобщей системе отношений под воздействием не вполне контролируемых человеческой волей факторов. И если озаренному какой-то идеей лидеру и удастся вытолкнуть свою страну из проторенной колеи, очень велик шанс, что страна вновь вернется на прежний путь, а лидер, смятый или раздавленный, останется на обочине.

Однако после нашего визита в Ларкану посол и министр энергично подтолкнули переговоры о заключении соглашения об оказании Советским Союзом содействия Пакистану в разведке на нефть и газ. Укрепились за министром репутация самостоятельного, готового идти на риск человека. Как иначе объяснить его демонстративные, на глазах американцев, конфиденциальные беседы с советским послом?

Из тетради воспоминаний

Мне рассказывали, как оборвалось земное существование Зульф리카ра Али Бхутто. Апрель 1979 года. Гремят шаги тяжелых полицейских башмаков в предрассветной тишине, гремит ключ в тяжелой двери самой секретной, самой тщательно охраняемой камеры в тюрьме пакистанского города Равалпинди. На голом бетонном полу, под невыносимо режущим светом электрической лампы лежит человек, ни единым движением не отзывающийся ни на топот, ни на скрежет замка, ни на оклик. Дряхлый, изможденный, с остатками седых волос, прикрытый невозможно продранными и измызганными лохмотьями старик разбужен пинком в бок. Тюремный врач отыскивает высохшую, обтянутую пергаментной нечистой кожей, покрытую ссадинами и язвами руку и, торопясь, делает инъекцию. Старик вздрагивает, блеснувшие было глаза гаснут. Он чувствует еще, как кто-то приподнимает его с пола, чувствует, что его куда-то волокут, пытается идти сам и повисает на жестких руках полицейских.

Старик два года назад был премьер-министром и президентом страны, председателем правящей партии. Он любил, чтобы его называли «председатель Бхутто». Сегодня его ведут на виселицу...

* * *

Поездка в Ларкану была одним из самых ярких эпизодов моей командировки. Эта поездка дала мне возможность увидеть незнакомую мне страну такой, какой она была, – с приветливым нищим народом; с отелями, в которых нет электричества; с бесспорной неординарностью ее тогдашних лидеров; с тонким изяществом зимнего восточного пейзажа: красное солнце, уходящее за пыльный горизонт, завораживающая текучесть воды в канале, затейливый силуэт безлистной акации, прозрачность высокого неба; с утиной охотой и охотой на куропа-

ток; с разноголосьем базара: гортанные крики, вкрадчивый шепот, голос толпы и звон молотков в медном ряду; с городами, на улицах которых не мелькнет женское лицо...

Работа тем временем шла своим чередом. Мне были поручены вопросы внутренней политики Пакистана, и я занимался этим с энтузиазмом. Знание урду давало возможность общаться не только с элитарными кругами, но и с простыми жителями страны. Я подружился с имамом одной из крупных мечетей Карачи и был у него желанным гостем. Усевшись на циновки в уголке мечети, мы пили чай и разговаривали о жизни. Коммунизм в моем изложении и ислам в толковании имама удивительным образом были похожи...

Когда пошел четвертый год моей работы в Карачи, я невыносимо затосковал по Москве.

В середине сентября 1962 года командировка в Пакистан завершилась. Жена с сыном Алешей уехали в Москву в июне от летней жары, и я доживал последние месяцы один, томясь ожиданием и считая дни до отъезда. Добрый и умный человек – наш посол в Пакистане Алексей Ефремович Нестеренко не стал задерживать меня до приезда замены. Я попрощался с Карачи, как думалось, навсегда. Недолгий путь от посольства, располагавшегося в старинном каменном доме в районе Кантонмент по Дриг-Роуд, до аэропорта. Ощущение духоты и зноя живо до сих пор – в посольстве была одна-единственная машина с кондиционером, и, естественно, она предназначалась не для перевозки третьих секретарей. Маршрут Карачи – Дели, два дня в Дели, самолет Ту-104 «Аэрофлота», посадка в Ташкенте и, наконец, Москва, прохладные зеленые просторы, воздух Родины.

Перемена в судьбе

Дом. Можно подвести какие-то итоги четырех лет за рубежом. Что же самое главное? Разумеется, прежде всего сын, который родился в Карачи.

За четыре года я вырос с недипломатической должности референта до третьего секретаря, и, как слышал перед отъездом, посол направил в МИД представление о назначении меня вторым секретарем. В двадцать семь лет это немало.

Мне повезло, считал я. У меня были великолепные наставники, советские послы в Пакистане – покойный И.Ф. Шпедько, ныне здравствующие М.С. Капица и сменивший его А.Е. Нестеренко. Только спустя много лет сумел я оценить, да и то, думаю, не в полной мере, как много дало мне общение с этими столь различными по характеру, по темпераменту, по взглядам на жизнь дипломатами. Общим у них были преданность делу, высочайший профессионализм, дисциплинированный четкий ум и глубокое уважение к коллегам, сколь неприметное положение ни занимали бы они в посольской иерархии. В последующие годы, когда у меня самого стали появляться подчиненные и приходилось работать с начинающими сотрудниками, я частенько вспоминал своих первых учителей, их требовательную заботу, снисходительность к юношеским промахам, тактичное и дружелюбное внимание к себе. Это иногда вовремя останавливало рефлексорный порыв распечь молодого коллегу за какую-то ошибку, поставить его на место, попрекнуть недостаточной подготовленностью.

Только сейчас мне приходит в голову, что наставники мои были очень молоды. И.Ф. Шпедько и М.С. Капица были назначены послами, когда им не было сорока, А.Е. Нестеренко – пятидесяти лет.

Во время моей первой командировки вторым секретарем посольства работал Б.И. Ключев – глубокий знаток языка урду, пакистанский ветеран. Он приобщил меня к серьезной страноведческой литературе, вдохновлял на посещения университета, прогулки по городу, знакомил с интересными, столь непохожими на нас людьми. Отчасти благодаря его дружеской руке я полюбил Пакистан и узнал об этой стране несколько больше, чем это было тогда принято.

Любовь и интерес к стране пребывания – это приобретение немалое, утешение для души и огромное подспорье в работе. Много раз в дальнейшем мне приходилось с горечью убеждать, что некоторые сотрудники нашей службы, мои коллеги и подчиненные, абсолютно равнодушны к стране, в которой они живут и работают, не интересуются ее историей и культурой, вникают в ее проблемы ровно настолько, насколько это, по их мнению, необходимо для работы. У таких людей могут быть случайные успехи, они могут выполнять задания чисто оперативного характера, но твердо уверен, что их полезность ограничена.

Скоро я стал работать в отделе Юго-Восточной Азии МИДа СССР. Вакантной должности второго секретаря не было, и пришлось остаться тем, кем был, – третьим секретарем.

Не очень интересной мне показалась работа в отделе. Ограниченные и до предела официальные контакты с иностранными дипломатами, нудная переписка с другими советскими министерствами и комитетами («...при этом направляем...»), скучные партийные собрания. В ту пору я еще не дорос до понимания, что свободное служебное время можно с интересом и пользой для себя заполнять другими делами, не имеющими отношения к прямым обязанностям, заняться наконец научными исследованиями, писать статьи в журналы или для радио (многие этим подрабатывали), читать что-то нужное... Периоды затишья характерны для любого учреждения, они входят в естественный ритм деятельности, перемежаясь с днями и ночами лихорадочной активности. Я этого еще не знал, и жизнь стала представляться мне несколько тоскливой.

В это время и объявился человек, показавший удостоверение сотрудника КГБ и чрезвычайно любезно поинтересовавшийся, не смогу ли я побывать в такой-то день в здании комитета на площади Дзержинского.

Вопреки некоторым утверждениям, до выезда в первую командировку мне не довелось быть знакомым ни с одним сотрудником Комитета госбезопасности. КГБ представлялся какой-то грозной, вездесущей, всевидящей силой, не имеющей телесного воплощения. В 1958 году, когда происходило распределение выпускников МГИМО по советским учреждениям, я узнал, что некоторым моим приятелям было предложено пойти работать в КГБ, в подразделение внешней разведки. Тайнственно, загадочно и немного зловеще. Избранные молчали, не делились даже с близкими друзьями, на них смотрели с уважением и долей зависти.

Первых сотрудников ПГУ я увидел в Пакистане, а затем близко познакомился и подружился с одним из них – Н.М. Он показался мне не только обаятельным, но чрезвычайно осведомленным и умным человеком. Общение с ним доставляло мне удовольствие. Видел я и то, что он более раскован, более свободен в суждениях, чем другие советские коллеги, что он знает такие факты, о которых я даже не догадывался. Н.М. резко, по тем временам слишком резко, высказывался о нашей советской действительности. Казалось, и здесь он знает гораздо больше, чем я, и гораздо глубже, чем я, проникает в существенные явления нашей жизни. Н.М. рассказал, что отец его жены был репрессирован и расстрелян в конце тридцатых годов. Моему удивлению не было предела, поскольку я был уверен, что в КГБ не берут тех, чьи родственники или родственники родственников были осуждены.

То время – начальный период разоблачения сталинщины – позволяло свободнее думать и высказываться. И даже на фоне общего «полевения» речи моего друга казались волнующими, дерзкими, предвещающими какое-то совсем новое и действительно светлое будущее.

И вот мне предложили перейти на работу в КГБ.

Посоветовался с И.Ф. Шпедько, который был в ту пору заместителем заведующего ОЮА. Иван Фаддеевич сказал: «Это большая честь. Соглашайтесь!»

Разведшкола

Сто первая – так именовалась разведывательная школа, впоследствии преобразованная в Краснознаменный институт КГБ имени Ю.В. Андропова.

Впервые в жизни размещаюсь в общежитии. В двухэтажном деревянном доме довоенной постройки начинают ветшать стены, кое-где немного прогибаются полы, но тепло и уютно зимой, а весной в окна стучатся ветви сирени.

В комнате пять постоянных обитателей, все с некоторым житейским опытом, есть даже свой кандидат наук. Мы все поменяли профессию. Домой отпускают только по субботам с возвращением к утру в понедельник.

Учеба кажется несложной. Самое трудное – это язык, для тех, кто раньше с ним не работал. У нас такой проблемы нет – впятером владеем девятью языками, есть профессиональная гражданская подготовка. В духе хорошей традиции помогаем в меру своих сил товарищам, которые раньше с языком не работали.

Извечный марксизм-ленинизм. На него отводится очень много учебного времени, и занятия этим предметом напоминают восточный способ молотбы – привязанное к оглобле животное ходит по кругу по разостланным на току снопам и своими копытами выбивает из колосьев зерна. Каждый из нас уже совершил несколько кругов по вытоптанной соломе, неизвестно, остались ли там какие-то зерна, но бессмысленное топтание продолжается. Здесь не нужно ни сообразительности, ни эрудиции – запомни несколько расхожих на сегодняшний день суточных выражений, следи за передовыми статьями в «Правде» (самое неблагодарное и бесследное для любого ума чтение) и не смущайся. Марксизм-ленинизм в тогдашней трактовке был предельно далек от науки. Его клишированные формулы и понятия имели характер ритуальных заклинаний, что-то вроде ежедневного и ежечасного подтверждения лояльности. Каждое учебное пособие даже в нашем, весьма специальном, учебном заведении начиналось с благочестивого тезиса о классовом характере разведки. (Время, когда классовый характер приписывался физике, биологии, математике, уходило медленно. У нас медленнее, чем у других.)

Лекции по марксизму и время, отводимое на подготовку к семинарам, давали, однако, прекрасную возможность читать в свое удовольствие то, что тебе нравится. Народ в нашей комнате подобрался непьющий, интересующийся жизнью, читающий, и мы пользовались книгами не столько из библиотеки, сколько обменивались ими друг с другом.

Невероятно интересными показались специальные дисциплины, то есть обучение основам и приемам разведывательного ремесла. В последующие годы в нашей среде получил официальное распространение термин «разведывательное искусство». Он вызывает у меня возражения. Подозреваю, что первоначально он возник в результате не совсем точного перевода названия книги бывшего шефа ЦРУ Аллена Даллеса *The Craft of Intelligence* (казалось бы, Даллес вполне мог употребить слово *Art*, если бы он считал разведку искусством). Несомненно, сыграло свою роль и тщеславие профессионалов. Принадлежность к области искусства, а не ремесла многих возвышало в собственных глазах.

О моей профессиональной этике

Я считаю разведку сложным и своеобразным ремеслом, где, как и в каждом ремесле, есть элемент искусства, где нужны соответствующие способности, но владение основными приемами работы, кропотливый труд, тщательная профессиональная подготовка, добросовестность важнее, чем порывы вдохновения, которыми живет искусство. Этот взгляд я отстаивал в дальнейшем в официальных дискуссиях, далеко не всегда встречая одобрение ветеранов. Велико очарование слов, от него трудно избавиться.

Фотография во всех ее специальных вариантах, изготовление микроточек, тайнопись, средства связи, средства негласного съема информации, основы приобретения источников и работы с ними, методика ведения наружного наблюдения и приемы его выявления – все это было ново и чрезвычайно увлекательно.

Венцом всего были практические занятия в городе, продолжавшиеся несколько дней. Надо было провести ряд операций по связи с агентом, включая личную встречу. Сложнейшая задача заключалась в том, чтобы убедиться, нет ли за тобой слежки («выявить наружное наблюдение»), чтобы не позволить контрразведке зафиксировать проведение операции и, упаси боже, не вывести ее на источника.

Выявить наружное наблюдение, определить состав работающей за тобой бригады – задача очень непростая. С нами работают профессионалы Седьмого управления КГБ, проходящие здесь переподготовку. По окончании занятий сравниваются отчеты слушателя разведшколы – объекта наблюдения и отчеты наблюдающих.

Это редкая ситуация, возникающая в реальных условиях лишь тогда, когда нам удастся приобрести источник в советском отделе иностранной контрразведки. Там, однако, исключен совместный разбор операции и выявление неточностей в отчетах. Сотрудникам иностранных служб наружного наблюдения присущи человеческие слабости, грубые искажения реальной ситуации в их сводках вещь довольно обычная. Во всяком случае, упоминаний о собственных просчетах наблюдающих не встречается, наблюдаемый же иногда наделен сверхчеловеческой изворотливостью и коварством. Это бывает тогда, когда «наружники» упускают объект по собственной нерасторопности или несогласованности действий.

Нельзя полагаться на то, что наружка сама проявит себя. Нельзя, за исключением чрезвычайных ситуаций, устраивать грубую проверку. На занятиях и в жизни мы исходим из того, что поведение разведчика не должно вызывать подозрение ни у профессиональных, ни у случайных наблюдателей. Если служба наружного наблюдения отмечает, что иностранец грубо проверяется, у нее появляется стимул работать конспиративнее, изобретательнее и настойчивее. Иностранец же попадает в разряд подозреваемых или установленных разведчиков, что может осложнить его жизнь.

Таким образом, для успешной проверки необходим заранее подобранный, естественный маршрут, позволяющий неоднократно и неприметно понаблюдать за ситуацией вокруг себя. Иногда и в учебных, и в боевых условиях используется контрнаблюдение – на разных точках маршрута прохождения разведчика контролируют другие работники. Им легче заметить возможную слежку и условным сигналом (по радио, припаркованной в определенном месте машины и т. п.) предупредить коллегу об опасности. Способ эффективный, но не лишенный недостатков. Люди, выдвинутые на точки контр-наблюдения, могут сами привести за собой слежку. Такие случаи бывали. Нежелательно, чтобы о намеченной операции и районе ее проведения знал кто-либо, кроме резидента или его заместителя. Это правило, к сожалению, сплошь и рядом нарушается. Есть и еще негативный момент: зная, что его подстраховывают товарищи, работник, проводящий операцию, может излишне расслабиться – утратить бдительность.

Разведчик в поле одинок, во всех ситуациях он должен рассчитывать только на себя.

Мы тщательно готовили маршруты, предусматривая смену транспорта, заход в учреждения, логическую связь своих действий. В школе от поколения к поколению передаются описания мест, удобных для проверки. (Кстати, затеряться в толпе практически невозможно, так же как невозможно в толпе выявить слежку.) Беда в том, что подобные же описания передаются от поколения к поколению наших оппонентов – разведчиков наружного наблюдения. Надо искать свои оригинальные ходы.

Занятия завершаются успешно. Удастся выявить наблюдение, провести благополучно все запланированные операции по связи с источником. Игра захватывает.

Это была игра, но велась она по настоящим правилам, требовала настоящего нервного напряжения, выдумки и просто физической выносливости. Игра приобщала слушателей к профессии, посвящала в профессиональные тайны, спланивала нас в корпорацию.

Несколько слов о корпоративности. В Комитете госбезопасности к Первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета в целом, они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально, им не приходилось заниматься «грязной работой», то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался. Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ. Сама специфика работы спланивала разведчиков в своеобразное товарищество со своими традициями, дисциплиной, условностями, особым профессиональным языком. Мне всегда казалось, что товарищество, корпорация необходимы для людей, занятых общим делом. Именно в рамках такой корпорации можно делиться опытом, разрешать сомнения, лучше узнавать друг друга. Наша работа – это преимущественно упорный и незаметный труд, медленное продвижение вперед, к какой-то заветной цели, но бывают моменты, когда успех, а то и судьба разведчика зависят от помощи его коллег.

Хочу повторить – люди нашей профессии должны являть собой корпорацию, товарищество. Это залог нашего морального благополучия, а следовательно, и успеха.

* * *

Учиться было интересно.

На весенних городских занятиях мне удалось придумать схему проведения тайниковой операции с использованием очень простого в изготовлении и применении контейнера. Операция была отмечена премией. Я почувствовал себя профессионалом. Свою удачную идею в дальнейшем пришлось применить на практике. Она себя оправдала.

Офицеров разведки необходимо готовить индивидуально. Для этого нужно иное состояние общества, иное отношение к затратам, к современной психологической науке, иное отношение к будущему разведчику. Экстенсивный способ подготовки, когда слушателю и молодому офицеру дается всего понемножку и меньше всего умения самостоятельно мыслить, самостоятельно ориентироваться в острых ситуациях и принимать моментальные решения, этот способ изживает себя. Но при всех недостатках старая школа воспитывала неоценимое чувство принадлежности к единственному в своем роде товариществу.

Я вспоминаю нашу комнату в зимний вечер. На столе чай и черные сухари, отставлены в сторону шахматы. Мы еще не нюхали пороха, но мы серьезны и целеустремленны. Говорим не о женщинах, не о спорте и не о выпивке – традиционных предметах разговоров у молодых людей. Случайно возникшая сегодня тема – этнопсихология. Ученый коллега, обитатель нашей комнаты, просвещает остальных. Спорим, курим, пьем чай и учимся очень важному – учимся думать.

В 1963 году мы получили первую в своей жизни отдельную квартиру: на Волгоградском проспекте, в Кузьминках, на первом этаже пятиэтажного дома, который потом стали называть «хрущевским», две смежные комнаты и кухня. Чудо! Не медля ни дня после получения ордера, переехали туда из Марьиной Рощи. Вода – горячая и холодная, чистота, своя крыша над головой – какое счастье! Через год у нас родилась дочка Танечка. А в декабре 1964 года, когда Танечке было пять месяцев, отправились мы всем семейством во вторую заграничную командировку.

И куда же? В Карачи!

Знакомое солнце

Итак, снова Карачи. Много старых знакомых, уважаемый мною посол, то же солнце, та же каменистая земля. Меня определяют во внутривполитическую группу посольства под начало советника В.Ф. Стукалина. Виктор Федорович – новичок в мидовской системе, он взят на дипломатическую работу из партийного аппарата и распределен в Пакистан по окончании Высшей дипломатической школы. Это не первый кадровый партийный работник, с которым к тому времени мне пришлось познакомиться. Виктор Федорович мне сразу понравился. У него живой ум, располагающая спокойная манера держаться, искреннее стремление разобраться в море сложных пакистанских проблем и найти свое место в посольстве. Эта задача, пожалуй, сложнее всех прочих. Советник – ключевая фигура, один из столпов, на которых держится посольство. Он должен знать и уметь все. Стукалина явно не хватает дипломатического опыта.

Посол относится к новому советнику корректно, но корректнее и суше, чем к другим дипломатам. Виктор Федорович делает вид, что все нормально, но я чувствую, как он переживает ситуацию, в возникновении которой он сам ничуть не повинен. Мы становимся друзьями настолько, насколько это позволяет разница в возрасте и служебном положении. Я честно тружусь во внутривполитической группе, пишу справки, составляю записки бесед, участвую в совещаниях, завожу полезные для посольства связи. Трудно приходится без своей автомашины. Посольство договаривается с представителем ССОД Львом Мухиным, и он дает мне во временное пользование полуразвалившийся «москвич» с вечно подтекающим радиатором и порванными сиденьями. Каждый день начинается с ведра воды, которое я заливаю в глотку своей машины. Однако проблема передвижения решена. В отличие от прошлых лет мне уже не приходится пользоваться ни ужасным местным такси, ни еще более ужасным моторикшей – трехколесным мотоциклом с задним сиденьем на двоих и пластиковой крышей над головой. Сиденья такси и моторикши покрыты пластиком. После пятнадцатиминутной поездки по летнему Карачи пассажир выглядит так, будто его полили из шланга.

Мне не сидится ни в посольстве, ни дома. Я вновь осваиваю Карачи, вновь хожу по столь дорогим моему сердцу книжным магазинам «Гринич», «Пак-Америкэн», «Томас энд Томас», радуюсь обилию новых книг и печалюсь скудости своих финансов. Покупаю книги для посольской библиотеки. Оказывается, для этого выделяются небольшие средства. Начинаю бывать с новыми знакомыми в местных кафе и ресторанах.

Дело в том, что, помимо В.Ф. Стукалина, у меня есть настоящий начальник, резидент Сергей Иванович С. В недрах старого посольского дома, на верхних этажах, куда надо подниматься по скрипучим деревянным лестницам с шаткими перилами, в невыносимой чердачной духоте есть несколько маленьких комнаток. Вход туда простым сотрудникам посольства заказан. Я не простой дипломат, а офицер разведки.

Скрыть ведомственную принадлежность, работая в посольстве, невозможно. Твои «чистые» коллеги («чистые» – не имеющие отношения к КГБ и ГРУ) знают о тебе все. Ты учился или работал с ними, а затем на некоторое время исчезал – этого уже достаточно для правильного вывода. Ты появился откуда-то со стороны. Партработники своего пути в дипломатию не скрывают. Новый человек не из их числа. Вопрос лишь один – принадлежит он ГРУ или КГБ? Невозможно тайно пробраться по скрипучим лестницам в помещение резидентуры, а бывать там надо часто. Вся переписка разведки совершенно секретна. Знакомиться с ней, готовить информацию, оперативные отчеты в общих служебных помещениях запрещено. Есть и еще много признаков, по которым опытный взгляд мог различить, кто есть кто. До тех пор, пока разведки мира используют посольские прикрытия, полностью избежать этого невозможно. Есть, однако, способы до минимума свести возможность расшифровки и, главное, негативные последствия этого.

О моей профессиональной этике

Вот рекомендации, которым я впоследствии пытался придать директивный характер:

- исполнять в полном объеме и с предельной добросовестностью все обязанности, которые возлагаются на «чистого» сотрудника, занимающего подобную должность. За долгие годы за рубежом мне не приходилось видеть в посольствах человека, который бы ломался под непосильным грузом работы. Людей губит неорганизованность, несобранность, неумение отделить важное от пустяков. Разведчик должен уметь работать и нести двойную нагрузку;

- ни при каких обстоятельствах, ни в служебной обстановке, ни в дружеской компании, офицер разведки не должен даже намеком давать понять о своем особом статусе. Это тяжелый иску́с, особенно для молодого человека. Ему нельзя поддаваться. Скромность и неприметность – наши профессиональные качества, условия успеха. Было время, когда само название КГБ внушало людям страх. Те из нас, кто был амбициознее, хвастливее, использовали это для самоутверждения. Последствия этого недопустимого поведения служба ощущает до сих пор;

- с неизменным уважением относиться к «чистым» сотрудникам, не жалеть времени и сил для того, чтобы помогать им. Это по-человечески приятно и окупается сторицей;

- никоим образом не вмешиваться в дела посольства и не пытаться наводить в них свой порядок. Разведчик находится за рубежом не для этого. Посол должен быть уверен, что резидентура помогает ему или по меньшей мере не мешает его работе. Попытки устанавливать какую-то параллельную власть, соперничать с главой миссии чаще всего кончаются плачевно. Служба отвлекается от работы и погрязает в склоке.

Мелкий, но неприятный конфликт возникает и у нас между послом и резидентурой. Здание посольства ветшает, не держится краска на стенах, отваливаются куски лепнины с потолков. Не в лучшем состоянии и главный кабинет посольства, и у кого-то появляется мысль обшить его стены деревянными панелями. В дело вмешивается резидентура, которая дает заключение о недопустимости реконструкции кабинета с точки зрения безопасности. Возникший спор кончается телеграммой МИДа, запрещающей послу намеченные работы. Не знаю, кто был прав в этом споре. Несомненно, у резидентуры должны были быть веские резоны для возражений. Мы знали, что наши американские коллеги, работавшие в теснейшем контакте с местными спецорганами, искали малейшие возможности, чтобы внедрить устройства для негласного подслушивания в жилые и особенно в служебные помещения советских учреждений. Любые ремонтные работы в советском посольстве такую возможность давали.

Мне показалось тогда, что резидентура высказала свои возражения недостаточно тактично, не попыталась найти какой-то вариант, который позволил бы удовлетворить желание посла и соблюсти все требования безопасности. Посол обиделся, стены его кабинета оказались окрашенными масляной краской безобразнейшего коричневого цвета. Служба своими руками оттолкнула от себя порядочного и доброжелательного человека.

Кстати, о подслушивании. Это важнейшее орудие каждой разведки и контрразведки. Резидентура в Карачи имела абсолютно надежные данные, что все телефоны, которыми пользуются советские граждане, круглосуточно контролируются пакистанцами и резидентурой ЦРУ, действующими в теснейшем контакте. Демократизация и гласность в ту пору еще не коснулись советских учреждений за рубежом, порядки в том, что касалось бдительности в отношении происков противника, были жесткими, и к телефону все советские граждане относились настороженно. Получить существенную информацию по этому каналу было трудно, хотя в совокупности даже крупницы сведений о контактах советских дипломатов, взаимоотношениях в посольстве представляли для американцев несомненный интерес. В дальнейшем мне пришлось убедиться, что резидентуры ЦРУ и в других странах обязательно пытаются использовать телефонные каналы. Практика очень разумная.

Внедрение техники подслушивания – задача несравнимо более сложная и рискованная, но удачно проведенная операция может дать весомые результаты, особенно если удастся добраться до служебных кабинетов. У людей есть привычка диктовать конфиденциальные и секретные материалы, проводить регулярные совещания, на которых откровенно излагаются все точки зрения. Если эти люди к тому же не слишком заботятся о безопасности своих помещений, то задачи разведки и контрразведки заметно упрощаются. Однажды установленное устройство может работать очень долго.

Американская разведка искала бреши в нашей защите. Особенно заманчивые перспективы замаячили перед нашими коллегами в связи с переездом советского посольства из Карачи во временную столицу Пакистана Равалпинди в 1965 году. Не могу без улыбки вспомнить, как во время дружеской встречи молодых дипломатов в Равалпинди, устроенной англичанином Н. Баррингтоном (мне еще придется встретиться с ним в Тегеране), американский и английский коллеги с невинным видом задавали вопросы об арендованном под посольство здании: велик ли кабинет посла, выходит ли он на солнечную сторону, не мешает ли шум с Пешавар-Роуд и т. п. Со столь же невинным видом я говорил им неправду.

Надо ли поминать, что на усилия американских и английских коллег мы отвечали полной взаимностью. Здание американского посольства в Карачи, построенное знаменитым Нимейером, привлекало внимательные взоры резидентуры. Мы подходили к нему то с той, то с другой стороны, никогда не отказывались от заветной цели, а известно – вода точит и камень.

Американское посольство перебралось в Исламабад. Наша работа продолжилась и там.

Каким же представлялся нам и чем был Пакистан на самом деле в те годы?

Эта страна принадлежала к двум военно-политическим пактам – СЕНТО и СЕАТО, созданным под эгидой США в разгар холодной войны. Направленность пактов против Советского Союза не вызывала ни у кого ни малейших сомнений. Американцы чувствовали себя в Пакистане полными хозяевами – они вооружали пакистанскую армию, оказывали стране экономическую помощь, контролировали ее спецслужбы. В мае 1960 года с военной базы Бадабэра под Пешаваром стартовал сбитый над Советским Союзом разведывательный самолет У-2, пилотируемый Г. Пауэрсом.

Осложняла ситуацию и постоянная конфронтация Пакистана с дружественными Советскому Союзу Афганистаном и Индией.

Однако именно в этот период президент Пакистана Айюб-хан, вдохновляемый Зульфикаром Али Бхутто, сделал ряд шагов к сближению с Советским Союзом. Было подписано соглашение о проведении советскими специалистами поисков нефти и газа в Пакистане, состоялся визит Айюб-хана в СССР, наладились регулярные обмены делегациями.

Задачи резидентуры заключались в том, чтобы следить за деятельностью американцев, англичан и их союзников в Пакистане (эта деятельность априорно и обоснованно рассматривалась как враждебная Советскому Союзу), получать информацию о СЕНТО и СЕАТО, не упускать из виду отношения Пакистана с Индией и Афганистаном и, разумеется, уделять самое серьезное внимание китайцам и пакистано-китайским отношениям. (Именно в то время в штат советских посольств во многих странах были введены должности специально для экспертов-китаистов. Естественно, то же было сделано и в резидентурах.)

Задачи, как видим, чрезвычайно ответственные, и для их решения нужны соответствующие источники. Приобретение источников – главная цель каждого оперативного работника и резидентуры в целом.

Мой новый начальник, Сергей Иванович, с которым я познакомился, лишь прибыв к месту службы, показался мне человеком необыкновенным. На его рабочем столе, например, постоянно лежала Библия, которую время от времени в подходящих случаях он цитировал. Томик Ленина в ту пору украшал многие начальственные столы, было модно «посоветоваться с Лениным», но «посоветоваться с Библией»? Это было непривычно и странно. Резидент не

брал в рот спиртного. Это тоже не укладывалось в привычные рамки, даже противоречило традиции. Говорил Сергей Иванович несколько старомодным языком, очень грамотными, складными и выразительными фразами, никогда не опускался до ругани. Начальник отдела в Центре В.И. Старцев, другие коллеги не стеснялись высказывать свое отношение к жизни, начальству и особенно к подчиненным с помощью всем известных русских выражений.

Манера Сергея Ивановича казалась гораздо более привлекательной. Но главное было, конечно, не в этом. Резидент доброжелательно и с бесконечным терпением выслушивал работника, вникал во все детали, помогал разбираться в сложных ситуациях и учил не отчаиваться от неудач. «Будет день, будет пища» – одно из его любимых изречений.

Сергей Иванович редко и неохотно рассказывал о своем прошлом, избегал вообще ссылаться на свой личный опыт. Эта черта мне импонировала. Самовлюбленными и недалекими представляются люди, все меряющие на свой личный аршин, к месту и не к месту рассказывающие случаи из своей биографии, как некий эталон для оценки любой ситуации и образец для подражания. Порок, к сожалению, в нашей среде распространенный. Да и не только в нашей.

Кто-то однажды проговорился, что резидент в свое время работал в следственной области. Это могло многое объяснить. Служба Сергея Ивановича в КГБ закончилась таинственным образом. Резидентура была на хорошем счету, регулярно поступала информация по приоритетным проблемам, серьезных замечаний по общему положению дел у Центра не было. По завершении срока командировки Сергей Иванович возвратился в Москву, где был назначен на должность, не соответствующую ни его заслугам, ни положению. Рассказывают, что однажды он зашел в кабинет начальника отдела и пробыл там несколько часов, причем раскаты возмущенных голосов доносились сквозь двойные двери до приемной. В тот же день Сергей Иванович подал в отставку. Он пробыл на пенсии почти двадцать лет, изредка, по торжественным дням, приглашался в отдел, но никогда не проявлял желания вернуться на службу.

* * *

Под руководством Сергея Ивановича я практически осваивал то, чему учился в 101-й.

Прежде всего необходим широкий круг контактов среди иностранных и местных граждан. Это, естественно, привлекает внимание контрразведки, но выбор прост – или ты активно работаешь по связям, рискуя навлечь на себя неудовольствие местных властей, или ты отсиживаешься, проводишь время в кабинете, в кругу своих приятелей, рискуя навлечь гнев Центра. Мне меньше нравилось второе. Хотелось сделать что-то важное, быть не хуже других, оправдать свое здешнее существование. Мучила совесть, если день или два подряд проходили без хотя бы малого продвижения вперед.

Цель всех усилий – ГП, «главный противник», как в течение десятилетий на нашем языке именовались Соединенные Штаты. Содержание термина ГП иногда расширялось, но ядром его всегда были США. ГП на территории Пакистана – посольство США и резидентура ЦРУ, американская военная миссия, ЮСИС. Прямые выходы на их сотрудников несложны. Американские разведчики сами стремились к установлению связей с советскими гражданами, и нередко возникала ситуация, когда регулярно встречались двое коллег – один из КГБ, другой из ЦРУ – и упорно выискивали уязвимые места друг друга. Это занятие не всегда диктовалось интересами службы, скорее наоборот. Наш сотрудник отчитывался о разработке американского разведчика, сотрудник ЦРУ докладывал своему начальству о разработке разведчика советского. Это записывалось в актив обоим их начальниками. Ныне эта игра непопулярна – не стоит тратить время и раскрываться в тех случаях, где шанс на успех ничтожен.

Справедливости ради надо отметить, что во все времена наши американские коллеги действовали более открыто, напористо и, как нам казалось, просто нагло. Вербовочное предложение в лоб, говоря нашим языком, у нас готовилось, как правило, долго и тщательно, собирались

все крупницы информации о перспективном объекте, после чего создавалась ситуация, когда на него выходил наш работник. Американская методика в принципе точно такая же, но многие сотрудники ЦРУ ее предельно упрощали. Надо выбрать любого советского дипломата, подозреваемого или установленного разведчика, выйти на него, обрисовать бесперспективность экономической и политической ситуации на его родине и предложить деньги за сотрудничество. В описываемое мною время за такое предложение американец мог получить встречное предложение и даже пощечину. Был случай, когда в ответ на предложение о сотрудничестве, сделанное во время дружеской беседы в баре, наш товарищ вместе с остатками пива послал в физиономию коллеге и пивную кружку. Подобные инциденты получали широкую огласку в обеих службах и подсказывали необходимость соблюдать определенный декорум даже в столь острых ситуациях.

Прямые контакты с американскими разведчиками были малоперспективны. Столь же малую надежду на удачу сулили и связи с «чистыми» американскими дипломатами, военными и т. и. Всевидящее око КГБ было легендой. Знаю, что око ФБР и ЦРУ столь же неуспынно и бдительно следило за своими гражданами.

Надо было искать обходные пути к интересующим нас объектам, и ценой неустанных усилий они находились. Надо искать нужного человека в неофициальной американской колонии, среди бизнесменов, иностранцев, имеющих дело с американцами, местных граждан – посредников в спекулятивных контрабандных сделках, которыми не гнушались технические и даже дипломатические сотрудники американских учреждений. Кто ищет, тот всегда найдет. Кое-что было найдено в Карачи, а затем в Исламабаде.

Несколько слов о пакистанской контрразведке. Мы имели представление о ее возможностях. Главным противником Пакистана была и, к сожалению, остается Индия. Лучшие силы пакистанских спецслужб всегда направлялись на работу по индийцам. Не упускали из виду и нас. Мы это хорошо знали. Допустить, чтобы контрразведка вышла на твою связь, а тем более на действующий источник, нельзя. Это означает, что нельзя пользоваться телефонами, установленными у советских граждан. Нельзя попадаться вместе с интересующим тебя лицом на глаза посторонним. Нельзя встречаться с ним у себя на квартире. Нельзя выходить на встречу без проверки: нет ли наружного наблюдения? Остается темное время суток, отдаленные малолюдные места, выезды за город. Кое-что остается.

Контрразведка опирается не только на подвижное наблюдение, прослушивание телефонов и технику подслушивания. Ее главное средство – агентура из числа прислуги (прислуга здесь есть обязательно в каждом доме), обслуживающего персонала и окружения советских учреждений. Очень полезны и журналисты, к которым тянутся, как к живому источнику информации, разведчики и дипломаты. Слабость подвижного наружного наблюдения (это дорогостоящее средство) компенсируется системой стационарных постов, маскируемых обычно под табачные киоски, мелких торговцев овощами, орехами и густой сетью осведомителей из числа ночных сторожей. Ночной сторож – неременная принадлежность мало-мальски приличных домов в этой части света.

Из тетради воспоминаний

Поздний вечер. Почти ночь. Из тех душных, непроглядных южных ночей, когда кажется, что вязнешь, тонешь в этой черной душистой массе, которую хочется мять, рвать на части, резать ножом – такая она плотная, густая, эта тьма. Я еду на дальнюю городскую окраину на встречу с Ахмедом.

...Летом 1965 года резидент поручил мне «принять на связь» Ахмеда. Ахмед занимает маленькую техническую должность в одном из здешних департаментов. Нам он интересен тем, что имеет доступ к документам, проливающим свет на истинные отношения Пакистана и США

в военной области. Работа с Ахмедом ведется по всем правилам строжайшей конспирации. Личные беседы крайне редки. Главный способ контакта с источником – МП. МП – моментальная передача. Суть этого способа связи состоит в том, что разведчик вступает с партнером в мимолетное соприкосновение, достаточное, однако, чтобы обменяться пакетами или какими-то другими предметами. В пакетах документы, деньги, изредка краткие инструкции, исполненные непременно в тайнописи...

Мелькает освещенное фарами дорожное полотно. Больше ни огонька вокруг, как ни всматривайся, ни напрягай глаза. Выехал я заблаговременно, маршрут отработан заранее, машина идет хорошо. Как будто все чисто, и можно выходить к месту контакта. На душе спокойно. Относительное, конечно, спокойствие. То спокойствие, которое посещает разведчика, когда все идет по плану, все продумано, верно организовано. Смотрю на часы. Светящиеся цифры показывают, что до назначенного времени осталось несколько минут. Вот они-то мне и нужны, чтобы проверить обстановку на месте, выражаясь профессиональным языком, а если попросту, то чтобы окончательно убедиться: все в порядке. Проезжаю мимо назначенного места два километра, разворачиваюсь. Дорога узкая. Колеса попадают в песок и начинают буксовать. Машина вздрагивает и остается на месте, а мой друг уже приближается по узкой тропинке туда, где мы должны встретиться. Что делать? Выскакиваю из машины и бегу что есть духу в полной темноте. Ноги сами угадывают дорогу. Пот заливает глаза. Душно, очень душно... Конечно, я опаздываю, но – какое счастье! – Ахмед еще здесь. Мы обмениваемся материалами. Ахмед не спеша уходит по той же узкой тропинке, я по шоссе возвращаюсь к машине. Машина легко, с первой попытки выбирается из песка.

Ночь уже не кажется такой черной, а духота такой тягучей. Откуда-то появился чуть слышный ветерок, и запахи, любимые пряные запахи Азии напоминают о том, что жизнь не так уж и плоха...

Фурия войны и насилия никогда не покидала края, где довелось мне провести долгие и, пожалуй, лучшие годы своей жизни.

В 1947 году была разделена Индия, и мир не содрогнулся от невероятных страданий, которые выпали на долю народов обеих новых стран, лишь потому, что нервы человечества основательно притупились во время Второй мировой войны, а печальные события разворачивались за пределами тогдашнего «цивилизованного мира». Десятки тысяч убитых с той и другой стороны, миллионы беженцев, на долгие десятилетия посеянные семена взаимного подозрения и ненависти – вот что стало результатом раздела Индии.

Короткая война 1965 года застала нас в Пакистане. Она не нарушила мирного течения жизни в Карачи, хотя и взбудоражила общественное мнение. В городе изловили немалое число индийских «шпионов», которые оказывались впоследствии честными обывателями, случайно навлекшими на себя подозрение. Приходилось видеть, как базарная толпа вдруг бросалась в ту сторону, откуда раздавался крик: «Джасус!» – и через несколько секунд торжествующие патриоты волокли в полицию очередного шпиона-джасуса. На улицы были выпущены стайки школьников, которые останавливали машины и замазывали черной краской фары. На несколько дней в городе было введено затемнение, и раза два объявлялась воздушная тревога. Индийские самолеты в небе не появлялись, но зенитные орудия открывали стрельбу, видимо для поддержания боевого духа населения.

Это было первое мое после 1945 года соприкосновение хотя с чужой, но войной. Гибли десятки, в худшем случае сотни людей, устраивались воздушные налеты и воздушные тревоги. Мы искренне переживали все это, гонялись за крупными объемами информации, волнуясь, предсказывали развитие событий, горячо спорили, писали многословные депеши и отвечали на экстренные запросы. Все, что мы с таким усердием делали, было нужно Отечеству, чьи интересы простирались до берегов Аравийского моря. Мы с какой-то неосознанной снисходительностью наблюдали чужую нестабильность, конфликты интересов, чужие слабости. Отечество стояло

за нашей спиной – могучее, неколебимое, грозное для противника и великодушное к друзьям, первое в мире государство рабочих и крестьян. Конечно, и в нашей среде немало говорилось об ошибках, о недостатках нашего общества, нашей экономики, но была твердая уверенность, что мы идем в правильном направлении. Эта уверенность передавалась нашим явным и тайным единомышленникам. Мы гордились Отечеством, верили в его светлое будущее и трудились на его благо.

* * *

В конце 1965 года советское посольство приступило к постепенному переезду на север, во временную столицу Пакистана Равалпинди, рядом с которой уже начал возводиться Исламабад. Мне уже приходилось бывать в Равалпинди во время первой командировки, пожить в прелестном горном местечке Марри, где посольство снимало небольшой коттедж. Эти места мне нравились – зеленые горы со снеговыми вершинами, сухой воздух, более приятный, чем знойная духота Карачи, деревья, похожие на наши московские тополя, в горах гигантские гималайские сосны.

Мы были первой советской семьей, поселившейся в Равалпинди, в доме на окраине, в районе парка Айюба на Лахорской дороге. Временное посольство размещалось в противоположном конце города, на Пешаварской дороге.

За нашим домом начиналась пустынная равнина, пересеченная оврагами, далее ярусами поднимались горы. Стояла первобытная тишина, которую в послезакатное время нарушал только вой шакалов, подходивших к самым воротам дома.

Зимними вечерами мы топили камин смолистыми поленьями. Дрова приносил сторож, уроженец здешних мест, Кала-хан. Он и его жена стали лучшими друзьями нашей маленькой Тани. Девочка быстро освоила их язык, ела их еду и даже, как мы однажды убедились, научилась ритуальным телодвижениям, совершаемым во время намаза. Кала-хан был настолько честным, добрым, совестливым человеком, что, когда настало время покинуть Равалпинди, расстаться с ним было тяжело.

Из записных книжек

Равалпинди, провинциальный маленький городок, зимними вечерами погружается в спячку. С наступлением сумерек пустеют улицы, жители прячутся от холода (температура в декабре – январе падает до минус 3–4 градусов), редко проедет машина или запоздалый извозчик, и вновь воцаряется тишина. Вечера зимой совершенно безветренны, приятно пахнет кизячным или смолистым древесным дымком через приоткрытое окно машины.

В Исламабад от посольства можно добраться по Пешавар-Роуд, мне больше нравится ехать через центр города, по Марри-Роуд, в сторону гор, а затем свернуть с широкого шоссе на старую дорогу. Дорога вьется меж невысоких холмов. Для этого небольшого отклонения от прямого маршрута есть веская причина. Именно здесь, на полукилометровом отрезке старой дороги, сухой и холодный воздух всегда пропитан горьким ароматом полыни.

Запахи Азии, от самых пленительных – цветущих роз и олеандров до ошеломляюще тяжелого – невыносимого смрада поселков беженцев в Карачи, где на солнце сушатся креветки, гниют рыбные потроха и отлив обнажает зловонный прибрежный ил, – запахи остаются в памяти навсегда, они ассоциируются с определенными местами жительства, отрезками времени, служебными и личными отношениями, характерами и ситуациями. Вечерний прохладный, отдающий дымком воздух – это зима в Лахоре и Равалпинди; парфюмерный аромат вьющихся по стенам мелких белых цветов – дипломатические виллы в Карачи; розы Айюб-парк в Равалпинди; смолистые орешки чильгоза на железных противнях, под которыми медленно

тлеет древесный уголь, – Элфинстон-стрит в Карачи; цветущие олеандры – сад у реки Раваль и посольский парк в Тегеране; свежий запах камыша, тины, костра – озерцо Джхарджхар под Дели; чадающее конопляное масло, перец, корица – любой уголок любого азиатского города, где готовится в харчевнях еда. Но горький аромат полынного поля у подножия исламабадских холмов – это ни с чем не сравнимый запах, ради него стоит сворачивать с шоссе на старую дорогу, выезжать заходя, не думать о времени. Запах полыни – запах ли это Азии? Запах ли это вечности? Запах ли это пустырей Марьиной Рощи, от которой я сегодня так далеко?..

* * *

Ко времени нашего переезда в Равалпинди пакистано-индийская война закончилась. В январе 1966 года в Ташкенте при посредничестве председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина начались переговоры между президентом Пакистана Айюб-ханом и премьер-министром Индии Л.Б. Шастри.

Первое главное управление КГБ, как я узнал, побывав в отпуске в Москве, принимало активнейшее участие в подготовке и проведении конференции. Особенно отличилась, говорили у нас, делийская резидентура, но положительно была оценена и информация, направлявшаяся из Карачи. (Какой-либо закрытой связи между Равалпинди, Карачи и Москвой в то время не было. Общение с Карачи шло по обычному телефону. Удалось также наладить нечто подобное курьерской связи, пользуясь участвовавшими поездками на север Пакистана сотрудников посольства.)

Я узнавал о ходе конференции из сообщений местного и московского радио. Переговоры в Ташкенте шли сложно, но, к всеобщему удовольствию, завершились 10 января 1966 года подписанием соглашения.

Рано утром 11 января раздался телефонный звонок из нашего посольства в Карачи, разом прервавший мирное течение времени. В Ташкенте, в своей резиденции, скорострительно скончался Лал Бахадур Шастри. Мне, как единственному советскому представителю в новой столице, предписывалось немедленно связаться с МИДом Пакистана и по установленному порядку запросить разрешение на пролет советского самолета с телом покойного премьера над территорией Пакистана. Так неожиданно завершился период второй пакистано-индийской войны.

Третья война была еще впереди, и наблюдать ее пришлось с индийской территории.

Работы тем временем прибавлялось. Мне было необходимо прикрывать свою тайную деятельность, и для этого приходилось заводить множество знакомых. Расчет прост. Без внимания контрразведка меня оставить не может. Значит, надо показать ей часть своих контактов, отвлечь внимание Си-ай-би (Центральное разведывательное бюро) на мои второстепенные связи. Недооценивать возможности местных спецорганов было бы неправильно. Естественно, в повышенной внешней активности есть свой риск, но в моем случае это легко объяснялось тем, что в Равалпинди я представлял советское посольство в единственном числе.

Период полной самостоятельности – без шифросвязи, без необходимости регулярно отчитываться, без указаний Центра и наставлений резидента продолжался более полугода. Никогда в моей жизни, ни до, ни после этого, не работалось с таким вдохновением.

Постепенно посольство заполнялось, было оборудовано помещение секретно-шифровального отдела, стали переезжать в Равалпинди, а затем в Исламабад, где быстро строились жилые дома, старшие дипломаты.

В начале 1966 года был заменен Сергей Иванович. На его место прибыл ветеран южно-азиатского отдела Василий Б. Знакомство с ним меня крайне разочаровало. Получить что-либо полезное от этого руководителя мало-мальски опытный работник не мог. Сосредоточиться на мысли, оценить информацию, грамотно сформулировать задание Василий был не в состоя-

нии. Говорят, когда-то он неплохо работал и выдвинулся заслуженно, но поверить в это было трудно. Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нес околесицу, густо пересыпанную матом. Не уверен, что за последние годы он прочитал хотя бы одну книгу. Да и читал ли он когда-либо? До сих пор мне казалось, что такого рода людей в КГБ, не говоря уж о ПГУ, после военных времен не осталось. Пришлось убедиться в своей неправоте. У резидента была одна позитивная черта – он хорошо относился к подчиненным. Однако правильно оценивать их действия, наставлять на верный путь Василий не был способен.

Оказавшись под началом Василия Б., резидентура стала утрачивать наступательность, способность к вдумчивой, аналитической работе, естественная убыль источников не восполнялась, работники сторонились своего вечно подвыпившего босса. Дело кончилось тем, что резидент однажды свалился на приеме. Долго терпевший посол М.В. Дегтярь наконец не выдержал и информировал Москву о хроническом недуге резидента. Василий Б. был отозван, но, к нашему изумлению, продолжил свои труды в Центре. Вред нашему делу этот руководитель причинил немалый.

О моей профессиональной этике

Где же были мы, его подчиненные, посмеивающиеся и горюющие одновременно? Почему никто из нас не доложил в Центр о нетерпимой ситуации? Боялись? Едва ли. Всякого рода жалобы на коллег и начальников неписаным обычаем не одобрялись. Если ты можешь сам поправить дело, не привлекая внимания вышестоящих, действуй! Не можешь – не жалуйся, не «капай». Официально эта традиция именовалась «чувством ложного товарищества», и при разборе разного рода неприятностей эти слова звучали нередко. Найти меру здесь трудно. В нашей среде не место жалобщикам, кляузникам, доносчикам, но сколько раз приходилось убеждаться, что снисходительное отношение к проступкам коллег, их замалчивание ведет к самым тяжелым последствиям. Где же выход? Думаю, дело в разведке должно быть поставлено так, чтобы подчиненные безусловно доверяли своим начальникам, а начальники ни при каких обстоятельствах не использовали ставшее им известным во зло подчиненному, чтобы они доброжелательно и по-товарищески относились к каждому своему сотруднику. Добиться этого трудно, знаю по личному опыту. Может быть, кто-то назовет такую точку зрения утопической. Но стремиться к такой постановке дела необходимо. Если бы время от времени такая обстановка в коллективах разведчиков не возникала, не было бы, думается, сильных резидентур.

В конце 1966 года произошло событие, нарушившее привычное течение жизни.

На меня вышел ответственный сотрудник местной контрразведки некто г-н Икбаль (имя изменено. – Л. Ш.) и представил весьма убедительные доказательства того, что ему известно о моей действительной служебной принадлежности. Сработали защитные механизмы, я с ходу стал было опровергать его и готовился дать отпор предложению о сотрудничестве, которое, казалось мне, неизбежно в этой ситуации последует. К моему удивлению и огромному облегчению, Икбаль не стал предпринимать попыток припереть меня к стене и сразу перешел к делу. Он сказал, что пакистанским спецслужбам известно о моей работе по американским представителям в Пакистане. Деятельность американцев, их вмешательство во внутренние дела страны беспокоят государственное руководство. Ему, Икбалу, поручено через меня выяснить, готова ли советская разведка пойти на установление негласного контакта с пакистанскими спецслужбами с целью обмена информацией по американцам.

Все мы, рядовые сотрудники, были готовы к возможной провокации. Именно так, рефлекторно, воспринималось любое неожиданное действие любого иностранца. Подобная автоматическая реакция действительно во многих случаях предупреждала серьезные неприятности, но зачастую не позволяла использовать представившуюся интересную возможность.

Я был типичным рядовым сотрудником, поэтому, вновь отвергнув утверждение о своей принадлежности к КГБ, сказал, что знаю человека в посольстве, которому предложение Икбала может показаться интересным. Мне приятно вспомнить этого коллегу, его ум и тактичность. Договорились встретиться в условленном месте через несколько дней и расстались.

Шифрованная связь с Москвой к тому времени была налажена, и я подробнейшим образом доложил в Центр о беседе.

В Центре тоже работали типичные рядовые руководители, мыслявшие точно такими же штампами, что и я. В многостраничной телеграмме педантично разбиралась вся ситуация, выстраивались версии, делался, разумеется, вывод о возможности провокации, но вывод неокончательный. Центру, как и мне, предложение Икбала казалось заманчивым, но боязнь попасть в ловушку мешала действовать решительно. Указания о моей линии поведения были расплывчатыми, обставлены массой невнятных оговорок, но разрешение на продолжение встреч дано. Одновременно мне предписывали прекратить оперативную деятельность и бдительно контролировать обстановку вокруг себя.

Последнее решение было полностью оправданным. Если есть конкретные признаки того, что контрразведка вплотную заинтересовалась разведчиком, он не имеет права рисковать безопасностью источников, обострять ситуацию. Что же касается сути дела и позиции Центра, то в ней не было ничего неожиданного – инструкции составлялись так, чтобы в случае неудачи вина ни в коем случае не пала на их авторов. В дальнейшем я решительно воевал с этой манерой. Люди, работающие в поле, должны твердо знать, что Центр полностью их поддерживает и готов нести ответственность при любом повороте событий. Доверие – это единственная основа, на которой может действовать разведывательная служба. Подчиненный должен безусловно доверять своему начальнику, а для этого начальник должен быть компетентен, доброжелателен и не бояться ответственности за свои решения. Впрочем, об этом уже шла речь выше.

Я встретился еще несколько раз с Икбалем, мы начинали нащупывать почву для взаимопонимания, но дальше дело не пошло. Он дал знать, что дальнейшие встречи невозможны, не разъясняя причин.

Часть пакистанского руководства в то время стала заметно тяготиться характером отношений, сложившихся с США. Айюб-хан искал пути к проведению более независимой политики и имел основания считать, что американцы поддерживают его противников. Негласная помощь советской стороны в этой обстановке могла бы быть полезной. Мне неизвестно, какие обстоятельства помешали дальнейшему развитию моих связей с г-ном Икбалем.

Я продолжал официальные занятия, выполнял поручения посла, бывал по разного рода делам в местных учреждениях, ходил по книжным магазинам и до сих пор с удовольствием вспоминаю прекрасный подбор книг в «Лондон бук» на центральной площади Равалпинди. Однако настоящая работа прервалась, мои источники были законсервированы и, видимо, недоумевали по этому поводу. Меня самого тяготила и беспокоила неопределенность положения, и я был готов к тому, что либо Центр, либо пакистанские власти потребуют моего выезда из страны.

Время, однако, шло, ничего подозрительного не происходило, и постепенно через несколько месяцев работа возобновилась.

Соприкосновение с контрразведкой заставило заново взглянуть на самого себя. Видимо, в чем-то я стал проявлять беспечность, слишком полагаться на свою удачу, пренебрегать жесткими требованиями конспирации. Размышления по этому поводу привели к другой опасности – я стал робеть. При выходах на встречи с источниками – а они проводились, как правило, поздно вечером или на рассвете – я стал замечать слишком много подозрительного. Остается одна-две минуты до контакта, и вдруг слишком медленно проехала какая-то машина или показался прохожий там, где, кажется, некуда идти пешком. Решение целиком принадлежит тебе. Ты можешь отказаться от операции, и это будет совершенно правильно. Но если ты начинаешь

страдать мнительностью, пугаться каждого куста и поддаешься своей слабости, ты пропал, тебе надо менять профессию.

Профессия мне нравилась, менять ее ни в коем случае не хотелось, и приходилось ломать себя.

Из тетради воспоминаний

Я расстался с Исламабадом в июне 1968 года и вновь побывал там лишь через десять лет.

2 марта 1978 года я летел из Исламабада в Карачи. Огромный самолет ДС-10 заполнен пассажирами, стюардессы готовятся разносить чай. За окном белесые облачка. Самолет, видимо, подлетает к Лахору, как вдруг в кабине раздается громкий крик. Кричит молодой человек в белой пенджабской рубашке, вставший со своего места в том же ряду, где сижу я. Сквозь гул различаю слова. Молодой человек требует развернуть самолет в сторону Индии, иначе «никто не останется в живых». В руках у него граната, плотно прижатая к животу, палец – в кольцо. Угонщик продолжает что-то выкрикивать и направляется вперед, к пилотской кабине. В это время сзади на него набрасывается кто-то, оба они падают в проход между креслами, и раздается негромкий взрыв. Кабина заполняется дымом, поднимается невообразимый гвалт, несут что-то залитое кровью, а самолет разворачивается в сторону Исламабада. Угонщик получил тяжелые ранения. Убит один пассажир. Храбрец, столь безрассудно сваливший угонщика (граната была самодельной и маломощной), на следующий же день получает денежную награду от президента.

И последний раз удалось видеть зеленые холмы Исламабада в январе 1989 года, когда я был включен в делегацию Ю.М. Воронцова для переговоров с лидерами афганской оппозиции.

Погода была пасмурной, временами моросил дождь, и нам не удалось побывать в Марри, где шел снег.

Я люблю Пакистан и могу со спокойной совестью сказать, что никогда не сделал ничего, что наносило бы ущерб этой стране. В добрых же отношениях между нашими народами есть частица и моих усилий.

«Все документы пишутся исполнителем от руки...»

Три года в Москве, из них год на курсах усовершенствования – УСО.

Учеба требует еще меньших трудов, чем в 101-й, режим свободнее. У каждого слушателя отдельная комната, но вечером собираемся вместе. Неизменные разговоры о работе и жизни, шахматы. Свободный доступ в тир, и один-два раза в неделю я стреляю из пистолета. Это занятие благотворно действует на меня. Некоторые коллеги регулярно выпивают по вечерам, но ведут себя спокойно и лишь иногда досаждают ночной игрой на бильярде. Стук шаров разносится в тишине по всему небольшому зданию.

В целом, честно говоря, мы отдыхаем, много читаем, готовимся к дальнейшим трудам. УСО – это важная ступенька служебной лестницы.

После УСО – работа в отделе, подготовка к командировке в Индию. Работа в Центре не очень интересна. Непрерывный поток бумаг, причем большая часть из них, на мой взгляд, не нужна и лишь отрывает людей от дела, мешает думать. Делопроизводство у нас было и остается на примитивном, но надежном с точки зрения секретности уровне. Все документы пишутся исполнителем от руки, регистрируются, сдаются лично машинисткам (к машинисткам очередь, их мало, а нас много). Затем бумаги направляются по назначению, копии подшиваются в дела, вновь регистрируются и т. д. Офицер с двумя высшими образованиями исполняет ту механическую утомительную работу, которую с успехом и более аккуратно могла бы делать пожилая женщина. Короче говоря, в канцелярском искусстве мы стояли на той же ступени, что и любое советское учреждение, но в нашем случае все осложнялось секретностью. Часто можно видеть бродящую по кабинетам унылую фигуру, которая разыскивает запропастившуюся куда-то бумагу. Бумага была написана, отпечатана, зарегистрирована и кому-то передана страдальцем, а кому – он забыл и теперь ведет розыски. В такой ситуации приходилось бывать каждому работнику Центра. Именно розыски бумаги были причиной моего первого личного знакомства с будущим начальником ПГУ, а затем председателем КГБ В.А. Крючковым. В ходе проверки обнаружилось, что за мной уже несколько месяцев числится документ довольно деликатного содержания. У меня его нет. Начальник отдела смутно припоминает, что он, как ему кажется, мог передать этот документ начальнику секретариата КГБ Крючкову для доклада Ю.В. Андропову, и советует мне обратиться к Крючкову. Секретариат комитета для простых смертных – учреждение таинственное, могущественное, и лучше дела с ним не иметь. Но потерять документ никоим образом невозможно, я иду с девятого этажа старого здания на Лубянке на третий этаж, разъясняя генерал-майору Крючкову, зачем я его беспокою. В этот момент Владимир Александрович удивил меня своей памятью. Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстенной пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в каком-то отношении необыкновенным.

Я помаленьку вникал в новые дела, открыв, в частности, неведомое мне раньше искусство составления комплексных планов. Комитет и ПГУ при всей их специфике были составной частью гигантской управленческой машины и в этом качестве подвергались всем веяниям административной и политической моды, зарождавшимся на Старой площади в здании ЦК КПСС.

В конце шестидесятых годов, а возможно и раньше, началась даже не мода, а повальная эпидемия составления комплексных планов на все случаи жизни. Все казалось удивительно простым и эффективным – наметь цели, подсчитай ресурсы, определи исполнителей, а затем только отмечай галочками то, что сделано. Беда была в том, что план становился самоцелью. В его основу зачастую закладывались далекие от реальности посылки, составители отрешались от сложностей жизни, которая на каждом шагу корректировала и сводила на нет первоначальные

замыслы. Дело же считалось сделанным, когда появлялась очередная красивая бумага, которую с гордостью оглашало на пленуме или съезде начальство. Этими комплексными планами и программами был вымощен путь нашего общества в сегодняшний нерадостный день.

Разведка не может действовать без плана. Ее план должен быть деловым и ни в коем случае не предназначаться для того, чтобы порадовать взор начальства. Планы нашего отдела были явно рассчитаны на начальников. Десятки условных названий и псевдонимов, хитроумно расчерченные схемы и диаграммы, отсылки к другим планам и схемам – все это производило нужное впечатление, и к нам за опытом стали присылать ходяков другие подразделения. Душой всей этой увлекательной, многотрудной и, увы, не очень полезной практически деятельности был Юрий Сергеевич М., удивлявший и начальство, и коллег обширной эрудицией, хорошим слогом и громоподобным басовитым голосом.

Мода на комплексные планы продержалась в ПГУ довольно долго, но никогда она не проявлялась столь ярко, как в конце шестидесятых – начале семидесятых годов. Рецидивы этой моды приходилось подавлять много позже, опускать людей с заоблачных высот планирования на грешную оперативную землю.

Между тем в ПГУ произошла смена руководства. Ушел на пенсию Александр Михайлович Сахаровский, начальником разведки был назначен его заместитель Федор Константинович Мортин, пришедший в комитет со Старой площади. Ни с тем ни с другим близко общаться мне не довелось.

Недолгие сборы, прощание с родственниками и приятелями, и я отправляюсь в очередную командировку.

«Удержать мадам Ганди за юбку...»

Весна 1971 года. Только что прошли всеобщие выборы в Индии, на которых Индийский национальный конгресс во главе с Индирой Ганди одержал выдающуюся по любым меркам победу.

Безоблачны советско-индийские отношения. Возникавшие несколько лет тому назад опасения по поводу возможности изменения внешнеполитического курса Индии в выгодном для США направлении не подтвердились. Индира Ганди твердо и последовательно выступает за развитие всесторонних отношений с нашей страной.

Назревает конфронтация Индии с Пакистаном. Восточный Пакистан бунтует, нарастает движение за отделение от Западного Пакистана и создание независимого государства. Это историческая неизбежность, не могли долго держаться вместе два «крыла», разделенные полутора тысячами километров индийской территории, различиями в языке, культуре, экономике, политической традиции. Но историческая неизбежность реализуется не сама собой, а через политических лидеров и ведомые ими массы. Пакистанское правительство усиливает свои войска в Восточном Пакистане, ведет политические маневры. Тщетно. Пламя сопротивления разгорается. Его раздувает Индия. Восточнобенгальские сепаратисты пользуются ее материальной и неограниченной моральной поддержкой. Индийская печать развертывает ожесточенную антипакистанскую кампанию. Не проходит дня, чтобы не публиковались душераздирающие сообщения о зверствах пакистанской военщины против мирного бенгальского населения. Пакистанское руководство обвиняется в геноциде. Одновременно распространяются, как правило со ссылками на надежные источники, слухи о том, что Пакистан готовится нанести удар по Индии на западной границе, в Кашмире и Пенджабе, с тем чтобы отвлечь внимание от событий в Восточной Бенгалии.

Индийцы готовятся к войне. Их беспокоит возможная позиция США и Китая, они не вполне уверены, что получают достаточную поддержку со стороны Советского Союза. Обработку советских представителей – от посла Н.М. Пегова до членов многочисленных советских делегаций – индийцы ведут настойчиво и изобретательно, умело используя наши слабые места – традиционный страх перед усилением американского влияния в этом регионе и состояние конфронтации с Китаем. Идет хитроумная политическая, дипломатическая и пропагандистская игра.

Советская сторона занимает взвешенную солидную позицию. Не скрывая своих симпатий к освободительному движению в Бенгалии, к миролюбивой политике Индии (Индия предстает потенциальной жертвой возможной агрессии), осуждая Пакистан, мы обещаем сделать все возможное для предотвращения конфликта.

Одновременно, однако, индийцы обращаются с просьбой о срочных поставках некоторых видов оружия из Советского Союза. Наш государственный механизм в экстренных случаях мог действовать весьма эффективно, и эта просьба удовлетворяется с невиданной быстротой. 9 августа 1971 года по инициативе индийской стороны подписывается советско-индийский договор о дружбе и сотрудничестве.

Переговоры и консультации продолжаются, призывы к миру, предотвращению братоубийственной войны (слово «братоубийственный» нравилось и политикам, и журналистам – редкое публичное выступление обходилось без него) нарастают. Многим казалось, что еще небольшое усилие – и конфликт не перейдет в кровопролитную фазу.

У нашей службы таких иллюзий не появлялось. Информация, очищенная от пропагандистского налета, ясно указывала на неизбежность войны.

В этой предгрозовой атмосфере начиналась моя работа в Индии. Я был направлен сюда в качестве заместителя резидента. Времени для постепенного вхождения в дела не было.

События развивались стремительно. Центр ждал информации.

В цивилизованном западном мире многими десятилетиями создавался миф о каком-то особом миролюбивом, ненасильственном характере индийского общества и его культуры. «Люди там задумчивы и нежны, а с неба льется золотая пыль», «жрецы в белоснежных одеждах», ахимса, Махатма Ганди, Рамакришна, мать Тереза, задумчиво бродящие по улицам Дели и Калькутты священные коровы и дымок благовоний, курящийся на алтарях храмов, джайны в марлевых повязках, чтобы ненароком не лишить жизни комара, вдохнув его с воздухом, размышляющие о божественных тайнах бытия садху и загадочные вечные отшельники в высокогорных пещерах у истоков Ганга, древние книги на санскрите – вся эта экзотическая, кружащая голову смесь неотразимо действует на экзальтированного западного обывателя, страдающего от скучной благоустроенности своей жизни. Действует это и на советского гражданина, терзаемого всеми видами неустройства и жаждущего душевной и материальной гармонии.

Миролюбие индийского народа (без различия национальности, веры, местной традиции, касты) становится общепризнанным штампом. Штамп кочует из брошюры в брошюру, из статьи в статью, из речи в речь, пробирается в официальные документы. Хитроумные индийцы умело подпитывают это мнение.

Первое же серьезное соприкосновение с индийской действительностью развеивает этот миф. Индийцы ничуть не миролюбивее и не воинственнее любого другого народа, их отвращение к насилию представляет собой интеллигентскую выдумку. Жизнь в Индии жестока к тем, кого она не милует и в других странах, – к неимущим, к национальным меньшинствам, к чужакам, к слабым вообще.

Не питает отвращения к насилию индийская политика на всех уровнях и во всех проявлениях. Война для Индии такое же продолжение политики, как и для любого другого государства. Моральные устои, общечеловеческие ценности, философия ненасилия, идеи миролюбия и гуманизма и прочий пропагандистский ширпотреб никогда не фигурировали в реальных политических выкладках индийского руководства. Трезвый расчет, прагматизм с изрядной долей цинизма, строгий учет государственных интересов – таков стальной стержень индийской политики, замаскированный гирляндами цветов, ворохами философских трактатов, фонтанами высокопарной риторики. Умение индийцев добиваться своих целей не может не вызывать уважения и даже зависти. За их плечами цивилизация, насчитывающая пять тысяч лет.

2 декабря 1971 года посол Н.М. Пегов устраивал прием в честь первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова. Василий Васильевич прибыл в Дели для того, чтобы вместе с индийцами изыскать возможность предотвратить надвигающуюся войну с Пакистаном, или, как грубовато шутили советские дипломаты, «удержать мадам Ганди за юбку». В.В. Кузнецов вел длительные и вежливые беседы с Индирой Ганди, ее советниками, выслушивал многословные разъяснения резонов, по которым миролюбивая Индия обеспокоена действиями Пакистана. К тому времени уже был подписан советско-индийский договор о дружбе и сотрудничестве, и в Индию нескончаемым потоком поступала советская военная техника.

Прием в посольстве проходил в чрезвычайно теплой обстановке. Гости мило улыбались любезным хозяевам, говорили приятные и льстивые слова и озабоченно хмурили брови, упоминая о пакистанской угрозе. Хозяева при этом упоминании тоже сгоняли улыбки с уст, выражая твердую уверенность, что здравый смысл восторжествует и кровопролития удастся избежать. При этом все дружно клеймили злодеев-пакистанцев и их американских и китайских покровителей.

Все шло прекрасно, как вдруг в зале приемов погас свет. Свет погас не только в посольстве, а во всем городе. Это могло означать только одно – началась война.

Я быстро ушел с приема, в темноте добрался до машины и из города позвонил одному хорошо осведомленному знакомому. (Звонить ему из посольства было нельзя – служащие его

категории не имели права поддерживать неофициальные контакты с иностранцами.) Выяснилось, что два неизвестных, предположительно пакистанских, самолета нанесли удар по базе ВВС Индии, повредив взлетно-посадочную полосу. Индийские самолеты немедленно нанесли ответный удар, а сухопутные силы пошли в наступление в районах Раджастана и Сялкота на западной границе и начали марш на Дакку на восточном направлении.

Было в этой истории с налетом на Агру нечто шитое белыми нитками. Какой военачальник пошлет всего два самолета для того, чтобы бомбить крупную авиабазу в момент наивысшей опасности для своей страны? Почему самолеты прилетели в сумерках, а не на рассвете, как это делается всегда, если нападающая сторона развязывает войну и стремится получить преимущество внезапности? Почему пакистанская сторона не предприняла вслед за налетом других действий?

Ничего загадочного не произошло. Индия изготавилась к войне, провела массированную пропагандистскую подготовку, тщательно прозондировала политическую ситуацию, сконцентрировала силы на главных направлениях. Нужен был повод, но напуганный, затравленный противник его не давал. Так и появились самолеты над Агрой. Несколько лет спустя при встрече с П. Н., одним из авторов и исполнителей военно-политической кампании 1971 года, я заметил, что вся операция была разыграна, как шахматная партия. П. Н. довольно улыбнулся. В человеческой истории было не много эпизодов, где столь малые издержки дали такой крупный результат.

Война началась. Вновь затемнение, вновь закрашенные фары автомашин, фантастические слухи в дипкорпусе, победные лживые сводки с полей сражений, воинственная музыка по радио. Наша позиция в этой войне была ясна – благочестиво нейтральные официальные фразы лишь слегка прикрывали твердую поддержку Индии.

Один из знакомых устраивает мне встречу с крупным индийским военачальником. Мало сказать, что генерал настроен оптимистично. Он точно знает, когда и как закончится война: 16 декабря сдачей Дакки и капитуляцией пакистанской армии. Прогноз основан на точном расчете. Именно к этой дате пакистанцы сумеют отойти к столице Восточного Пакистана. Оказать сопротивление они не в состоянии и защищать Дакку не будут, поскольку им неоткуда ожидать помощи. «Мы знаем пакистанскую армию, – говорит собеседник. – На их месте любые профессиональные солдаты вели бы себя таким же образом». Индийский генерал совершенно точно предсказал развитие событий.

17 декабря в Дели всенародное ликование, улицы забиты людьми и машинами. В дорожной сутолоке задеваю крыло чужого автомобиля. Выскакивает разъяренный водитель и, узнав, что я русский, из советского посольства, заверяет, что в этот великий день он может только поблагодарить мою страну и никаких претензий ко мне не имеет: «Хинди руси бхай-бхай».

Индия ошеломляет новичка. Я долго вникал в индийские дела в Центре, интересовался ими в период работы в Пакистане, изучал эту страну в институте, несколько раз проездом бывал в Дели, и тем не менее очень многое здесь оказалось для меня неожиданным.

После патриархального, спокойного Исламабада поразил лихорадочным темпом жизни Дели. Тот круг людей, в котором приходилось вращаться, жил политикой, в первую очередь внутренней. Мне показалось, что не хватит жизни для того, чтобы освоиться с невероятно пестрой картиной, которую являла эта политика. Десятки крупных партий и организаций, в свою очередь делящиеся на десятки фракций и групп. Все они взаимодействуют, блокируются, соперничают друг с другом. У каждой партии и группы есть свой взгляд на международную политику, на Советский Союз, США и Китай. Сходятся они, за незначительными исключениями, лишь в одном – неприязненном отношении к Пакистану. Однако и здесь все далеко не просто. Южане равнодушно взирают на кашмирскую проблему и на Пакистан, их больше занимают отношения со Шри-Ланкой, где проживает много тамиллов. В стране периодически вспыхивают кровавые столкновения между индусами и мусульманами, острой остается проблема

безработицы, безудержно, на 15 миллионов в год, растет население. Редкий день проходит без того, чтобы полиция не стреляла в бунтующее по разным поводам население. Личные и групповые разногласия преследуют индийское руководство, и лишь железная воля Индиры Ганди сплачивает соперничающих политиков.

У Индии глобальные внешнеполитические интересы и огромный международный авторитет. Не решены проблемы с Китаем, очень непросто складываются отношения с США, обострившиеся в результате конфликта с Пакистаном. Индия ощущает себя великой державой, добивается признания своей доминирующей роли на субконтиненте и в регионе Индийского океана, требует должного места в мировых делах. Успешная кампания в Восточной Бенгалии, создание Бангладеш и унижение исторического противника – Пакистана еще более усложняет внешнеполитические проблемы страны. Великолепным индийским дипломатам приходится нелегко.

Индийцев и нас обеспокоила нормализация китайско-американских отношений в 1972 году. Мы внимательно следим за попытками Индии уладить свои проблемы с Китаем, индийцы нервно вздрагивают от каждого сообщения о таких же попытках Советского Союза. Короткий материал по этому поводу в одной из индийских газет вызывает поток встревоженных полуофициальных обращений в посольство СССР.

Совершенно ясно, что овладеть можно лишь общими контурами всей этой невероятно пестрой, постоянно изменяющейся мозаики. Надо полагаться на знания и оценки экспертов в отдельных областях. Такие специалисты есть как в резидентуре, так и среди «чистых» советских дипломатов и журналистов, где у меня быстро появляются хорошие друзья. Все они знают Индию, любят эту страну и свою работу, в курсе индийских проблем и не могут жить без дискуссий. Мне с ними интересно. (Наша дружба продолжается до сих пор, но предмет разговоров изменился. Теперь это не Индия, а наше собственное многострадальное Отечество.)

Определяются и те проблемы, где необходимо глубоко разобраться самому, – политика США и Китая в отношении Индии, Пакистан, советско-индийские отношения. В области внутренней политики – прочность позиции правящей партии Индийский национальный конгресс и Индиры Ганди. Это приоритетные направления нашей информационной работы. Разумеется, забота из забот, основная проблема – американцы. Служба была одержима работой по американцам, и именно благодаря этой одержимости ей удавалось добиваться результатов.

Первоочередных задач передо мною, новым заместителем резидента, много – наладить рабочее взаимопонимание с подчиненными и начальником, интенсивно осваивать политическую и оперативную проблематику, вести личную оперативную работу, то бишь продолжить контакт с некоторыми уже известными нам лицами, завести круг личных полезных связей и попытаться увеличить число источников резидентуры. Все это необходимо делать одновременно.

Освоение новых или частично знакомых по работе в Центре проблем особых усилий не требовало. Ежедневно мне приходилось прочитывать сообщения источников, беседовать с работниками и «чистыми» дипломатами, истинным удовольствием поначалу было чтение индийских газет. После зажатой цензурой пакистанской печати и сухой официозной советской прессы индийская журналистика – остроумная, разнообразная, раскованная – была настоящим открытием. Ее дополняли несколько американских и английских изданий плюс передачи индийского и московского радио. Надо было только отбирать и приводить в систему всю эту информационную массу, выделять основные направления развития событий и постоянно следить за ними. Неоценимую помощь оказывал наш штатный аналитик Геннадий Васильевич Н., обладавший гигантской эрудицией в вопросах внутреннего и международного положения Индии, дисциплинированным умом и несколько неожиданным при его каторжной работе чувством юмора. (Безвылазное сидение в тесной комнатухе, где кондиционер гонял без устали все тот же ограниченный объем воздуха, пренебрежение физической нагрузкой сделали свое

дело. Геннадий Васильевич свалился с инфарктом в возрасте тридцати трех лет, и потребовались годы для его полной реабилитации.)

О моей профессиональной этике

Все дела взаимосвязанны, и нельзя увлечься каким-то одним из них. Необходимо основательно познакомиться с каждым сотрудником, узнать его не по бумагам, а в реальной рабочей обстановке, выяснить, на что он способен, можно ли положиться на его здравый смысл, находчивость, решительность в сложных ситуациях. Чрезвычайно важно сделать так, чтобы младшие коллеги были уверены в компетентности и порядочности своего начальника. Они обязательно должны видеть, что их руководитель способен не только дать толковые рекомендации, но и сам работает в поле, что у него есть личные контакты и источники, что он может квалифицированно выявить наружное наблюдение и т. и.

В идеальном варианте сотрудники резидентуры не должны быть осведомлены о работе друг друга. Каждому положено знать лишь то, что ему необходимо. Это золотое правило. Соблюдить его в полной мере чрезвычайно трудно. Служебные инструкции и профессиональная этика запрещают проявлять любопытство к чужим делам. Строжайшим образом засекречиваются имена, адреса, служебное положение источников и контактов, условия связи с ними. Однако невозможно скрыть простую вещь – проводит ли шеф все свое рабочее время в кабинете, а свободное – в бассейне, на корте или в дружеской компании соотечественников.

Твоя деловая репутация – это важнейший компонент в связке «начальник – подчиненный».

* * *

Рабочий день растягивался, зачастую он начинался в шесть часов утра и завершался глубокой ночью.

У меня появилось много хороших знакомых. Среди них и те, с кем приходилось видеться изредка, как правило под покровом ночи или за пределами города. По большей части мои новые знакомые относились к категории, именуемой «официальные связи». Это означает, что оснований рассчитывать на установление специфических разведывательных отношений нет и нет необходимости каким-то образом скрывать контакт с ними. Об этих связях знает посол, этих знакомых можно приглашать на приемы, а ссылка на их мнение придает вес политическим суждениям.

Я часто езжу к отставному главному министру штата Мадхья-Прадеш Д.П. Мишре. Он отошел от активного участия в политике, но сохраняет к ней живой интерес, знает всех и каждого. Индиру Ганди ласково называет «дорогая девочка» и регулярно пишет ей послания по разным политическим поводам. Иногда я застаю у Мишры посетителей – министров, известных политиков, крупных бизнесменов. У меня создается впечатление, что сам бывший главный министр не прочь показать миру, что он не забыт дипломатическим корпусом. Вывод оказался небезосновательным. Однажды раздается телефонный звонок, и помощник Д.П. Мишры передает просьбу моего уважаемого друга срочно прибыть к нему. Прибыв, обнаруживаю на лужайке перед домом бывшего министра несколько десятков людей явно провинциального обличья. Они терпеливо ждут приема. Мы неспешно беседуем часа полтора. Темы для разговора нет. Сухонький старичок в конгрессистской шапочке говорит тихо, сидит в глубоком кресле неподвижно. Откуда-то из норки появляется мышонок, уверенно взбирается на кресло, карабкается по рукаву и встает столбиком на плече моего собеседника, у самого уха.

Картина умирительная, заставляющая забывать, что старичок славился когда-то своим крутым нравом, беспощадностью и дерзкими политическими маневрами.

Время от времени ранним утром заглядываю к другому знакомому государственному министру Р.К. Кхадилкару. Это ветеран индийской политики, известный своими прогрессивными взглядами, добрым отношением к Советскому Союзу. Помимо всего прочего, это очень милый, очень интеллигентный и начитанный человек, который охотно дает мне книги из своей библиотеки. Мы вместе завтракаем – омлет и чашка чая – и обсуждаем последние события. Министр знает все. Иногда на мой вопрос он говорит: «Это секрет, об этом никто не знает», но не выдерживает и начинает рассказывать. Далеко не все нравится Кхадилкару в нашей политике. «Вы там все бюрократы. В Москве перестают реально видеть жизнь. Москва должна больше заботиться о своих отношениях с Дели, не отдавать их на откуп бюрократам». Бюрократов мой собеседник терпеть не может, и когда хочет выразить серьезную степень недовольства мной, то говорит: «И ты тоже бюрократ». Разочаровывать его мне не хочется, и я не протестую.

Кхадилкар – живая история. Он готов рассказывать часами и то и дело соскальзывает с проблем, интересующих меня сегодня, в реминисценции. Я его возвращаю к теме разговора. Он сердится – «ты бюрократ». Удивительно приятен был и сам мой друг, и его домик старинной колониальной постройки, окруженный классическим изумрудным газоном. Раннее утро в Дели, как, впрочем, и в других широтах, – лучшее время для ощущения полноты жизни и для дружеской интеллигентной беседы. Окружающий мир представляется в это время если не проще, то понятнее.

В числе моих друзей оказался и весьма влиятельный, еще молодой политический деятель, занявший в 1974 году пост министра кабинета Л.Н. Мисра.

Министр постоянно в центре всех крупных событий и, следовательно, в центре всех интриг, а временами и скандалов. У него обширнейшие связи с индийским бизнесом, и есть основания верить общему мнению, что Мисра создал основные каналы тайного финансирования Индийского национального конгресса. Эта тема, разумеется, в наших беседах не затрагивалась, однако министр не лишал себя удовольствия дать понять, что он пользуется доверием Индиры Ганди и она прислушивается к его советам. Как-то Мисра во время сердечной беседы признался, что он и его коллеги испытывают не только глубокое уважение к Индире Ганди, но и не менее глубокий страх перед ней. В это охотно верилось. Известный публицист Ф. Мораэс в 1971 году писал: «Индира Ганди единственный мужчина среди конгрессистских старых баб».

Мисра докладывал Индире Ганди о наших встречах.

Мисра был мне очень симпатичен. Этот человек сам взвалил на себя тяжелейшую политическую ношу, стоически терпел неудачи, радовался успехам, боролся с тайными и явными соперниками и не знал усталости. Думаю, что встречи со мной помогали ему проверять какие-то свои оценки. По крайней мере, так казалось мне в то время.

2 января 1975 года Л.Н. Мисра был тяжело ранен взрывом гранаты, брошенной в него на предвыборном митинге в Бихаре, не получил квалифицированной медицинской помощи и вскоре скончался от перитонита. Вечная ему память!

Индийская слабость – многословие. Этим грешат почти все мои знакомые. Долгие экскурсии в историю, бесконечные разъяснения несущественного, уход в сторону от предмета разговора и возвращение к нему с какой-то совершенно неожиданной стороны, личные переживания – все это связано причудливой логикой. Для того чтобы выбрать из такого разговора интересующие тебя сведения, необходимо терпение и время, но иногда случается так, что пора расставаться с весьма осведомленным человеком, а ничего стоящего он тебе рассказать не успел.

О моей профессиональной этике

Практический подход к проблеме беседы с чересчур словоохотливым человеком прост. К каждой беседе, к каждой встрече необходимо тщательно готовиться, не полагаясь на случай. Необходим план, который составляется заблаговременно и обсуждается работником со своим руководителем. Но этого мало. Если ты собираешься получить политическую информацию по определенному вопросу, надо заранее составить в голове или на бумаге схему того, что ты уже знаешь, что необходимо уточнить, какие пробелы в своем знании ты должен заполнить. Как бы многословен, расплывчат ни был собеседник или источник информации, ты сможешь получить от него нужные сведения. Есть здесь и уязвимый момент.

Нельзя подпасть под влияние уже сформировавшейся у тебя в ходе подготовки идеи и вольно или невольно навязывать ее собеседнику. К собственным взглядам, оценкам и убеждениям следует относиться критически, а высказывая их – стремиться не переубедить собеседника, но побудить его к более четким и обоснованным суждениям.

Впрочем, есть четко, глубоко мыслящие и лаконично излагающие свои мысли представители многочисленной и многоязычной иностранной колонии – дипломаты, разведчики, ученые, бизнесмены, миссионеры.

* * *

Во всем многообразии проблем выделяется «главный противник». Мы постоянно ощущаем американское влияние на индийскую политику, знаем круг людей, на которых опирается посольство США, – проамериканское лобби, выявляем сотрудников ЦРУ в посольстве и за его пределами, а также кое-кого из американской агентуры в классическом смысле этого слова.

Деятельность американцев беспокоит и индийское правительство. В сентябре 1972 года президент правящей партии Ш.Д. Шарма публично обвинил ЦРУ в организации беспорядков в Индии, подрыве отношений Индии с Бангладеш, Непалом и другими соседними странами. Развертывается яростная пропагандистская кампания. Ее подпитка, несомненно, политическая, антиамериканские настроения в Индии традиционно сильны, и позиция США в период недавно закончившегося конфликта с Пакистаном их основательно подогрела. Коллеги из ЦРУ и пропагандистских американских ведомств дали повод для этой официальной вспышки антиамериканизма. Не удастся остаться в стороне и нам. В парламенте раздаются требования провести расследование деятельности ЦРУ в Индии. Наши политические недоброжелатели и оппоненты конгрессистов требуют одновременно расследовать и деятельность КГБ.

Кампания утихла сама собой. Летом 1973 года в Индии побывал Г. Киссинджер: «Мы признаем Индию как одну из важных сил в развивающемся мире... Наши усилия направлены на то, чтобы устранить многие раздражающие последствия политики 1971 года...» Индийско-американские отношения на какое-то время стабилизировались.

Наше соперничество с ЦРУ продолжалось. Ощущалось влияние разведки США не только на индийские дела, но и ее настойчивая работа по советским людям в Индии. Костяк резидентуры ЦРУ в Дели составляли эксперты по Советскому Союзу – не политические, а оперативные эксперты, специалисты по разработке советских учреждений. Нам они были хорошо известны. Их попытки выходить на советских граждан иногда пресекались сразу, в некоторых же случаях мы позволяли контакту развиваться под нашим контролем. Мне неоднократно приходилось убеждаться, насколько сходны методы и приемы, которыми пользуемся мы сами и американские коллеги. Обычно можно было предсказать, какой шаг американский коллега сделает на следующей встрече с нашим человеком, когда предложит тому заработать небольшую сумму за написание, скажем, статьи на совершенно невинную тему. Стандартным прие-

мом было доброжелательное, без нажима сделанное предложение подумать о невозвращении в Союз, где у собеседника могут быть определенные неприятности по той или иной причине, которая здесь же и называлась. Американцам была известна еще не изжитая к тому времени наша глупейшая и вреднейшая практика. Если к советскому человеку делался, говоря профессиональным языком, «вербовочный подход», на него ложилось несмываемое пятно. Логика была примерно такой: если американцы сделали вербовочное предложение, значит, наш дипломат, журналист или разведчик дал для этого повод и как минимум находится в поле зрения противника. Объект подхода оказывался перед дилеммой: доложить о случившемся и возвратиться в Союз с подмоченной репутацией и неопределенной перспективой или же принять грех на душу, умолчать и жить в вечном страхе, что рано или поздно КГБ дознается о случившемся. С этой убийственной практикой давно покончено. Наши работники должны быть уверены, что ни одна ситуация, в которой они ведут себя честно и мужественно, не отразится неблагоприятно на их судьбе. В последние годы мы официально, приказом поощряли наших людей, дававших отпор попыткам склонить их к измене.

Не буду скрывать, что порою американцам удавалось добиваться успеха. Хотя это и не было заслугой делийской резидентуры ЦРУ, в советском посольстве работал американский агент, военный атташе Д.Ф. Поляков. В отношении этого человека в Центре были определенные подозрения, но, как нередко случается в нашем деле, потребовались еще годы, чтобы подозрения подтвердились. Поляков работал активно, передавал американцам и ту информацию, которой с ним делился резидент КГБ.

Отношения с военными разведчиками у нас были отличные, но существовал четкий предел тому, чем можно было с ними делиться и чем нельзя. Все, что связано с конкретными источниками, операциями резидентуры, было нашим секретом. Поляков демонстрировал свое полное расположение к чекистам, но от приятелей из числа военных было известно, что он не упускал ни малейшей возможности настроить их против КГБ и исподтишка преследовал тех, кто дружил с нашими товарищами. Ни один шпион не может избежать просчетов.

Рука ЦРУ ощущалась и в публикациях некоторых индийских газет. Мы, разумеется, платили той же монетой.

Я помню имена некоторых американских коллег, работавших в мое время. В архивах есть их полные списки, но у меня нет желания ни прибегать к архивным материалам, ни называть их имена. Так же как и мы, они старательно и не всегда удачно делали свое дело. Они были инструментом политики своего правительства, мы проводили политику своего государства. Обе стороны были правы.

Наша служба отслеживала американских разведчиков, выявляла их агентуру и контакты, анализировала состояние их отношений с сослуживцами и «чистыми» дипломатами, интересовалась их привычками, финансовыми делами. Задача нелегкая, но выполнимая. Накопив достаточный объем данных, мы анализировали их и определяли, есть ли основания предложить американцу сотрудничество с советской разведкой. Был и другой вариант – компрометация активного разведчика по возможности с последующей пропагандистской шумихой. Первый вариант был несравнимо выгоднее. Цель второго скромнее – нанесение политического урона противнику и временная дезорганизация работы его резидентуры. Кроме того, в случае скандала с американским разведчиком местным спецслужбам волей-неволей приходится усиливать работу по резидентуре ЦРУ, у посла США появляются основания быть недовольным своим резидентом. Испорченные отношения с послами парализовали не одну резидентуру и ЦРУ, и КГБ. Это правило.

Незадолго до моего приезда в Дели было проведено мероприятие в отношении молодого американского разведчика

Л-на, который помимо прочих занятий специфического свойства вел разработку советского гражданина. Планировался первый вариант. Для беседы с Л-ном из Москвы прибыл тоже

молодой, но уже высокопоставленный работник Центра, прекрасно владеющий английским, уверенный в себе, имеющий репутацию специалиста по американцам. Беседа продолжалась долго и давала основания рассчитывать на успех. Утром следующего дня, однако, посол США явился с гневным протестом к послу СССР. Попытка сорвалась, Л-н еще долго работал в Азии и Африке, но, насколько припоминаю, контактов с советскими людьми избегал. Что же, не каждый день приносит удачу. Нужны терпение и труд.

Жизнь в напряженном режиме становится привычной. Появляется возможность читать, заниматься спортом. Приобщаюсь к теннису, читаю поздно по вечерам. Судя по сохранившимся выпискам за 1973 год, это преимущественно книги об Индии, Китае и США: «Азиатская драма» Мюрдаля, «Открытый секрет. Политика Никсона – Киссинджера в Азии», «Сборник статей по арабо-израильским отношениям», «Прогресс и разочарование» Р. Арона, «900 дней» Солсбери, «Невидимые империи» Л. Тернера, «Долгая революция» Э. Сноу, «Классовая структура и экономическое развитие в Индии и Пакистане» А. Медисона, «Последние дни британского раджа» Л. Мосли, «Политика китайско-индийской конфронтации» М. Рама, «Приближающееся столкновение» Стефенсона, «Говорящее дерево» Р. Лэнноя и т. п. (Смотрю свои старые заметки, пишу и думаю – то ли я очень быстро читал, то ли у меня было гораздо больше времени, чем сейчас вспоминается.) С наступлением сезона езжу на утиную охоту. Утиные болотца разбросаны на очень небольшом расстоянии от Дели. Час на дорогу, полтора-два часа в камышах и час обратно. Без добычи возвращаюсь редко. Очень нравилась сама обстановка этих маленьких экспедиций, красота солнечного заката в дремوتной сельской местности, холод зимнего утра и птичье многоголосье. Мне до сих пор кажется, что трубный с переливом крик индийских журавлей (мы их никогда не стреляли) и перекличка гусиной стаи относятся к числу самых приятных для человеческого уха звуков.

К концу пребывания в Индии стрельба перестала нравиться. Стало стыдно губить живое. Лучше было тихо стоять в камышах и наблюдать стремительный и изящный утиный полет.

Мне повезло с резидентом. Я.П. Медяник обладал недюжинным оперативным чутьем, умел разбираться в людях и сразу же располагал к себе дружелюбием и, что важно в человеческом общении, искренним и нескрываемым интересом к собеседнику. Ведь люди так мало интересуются друг другом и так нуждаются в бескорыстном и добром внимании. Мы подружались, хорошо работали вместе, иногда спорили. Яков Прокофьевич считал себя спорщиком и с удовольствием вспоминал, как однажды заспорил с самим Андроповым, да так горячо, что председатель даже упрекнул его за это. Я тоже частенько и помимо своей воли ввязывался в споры. У нас все кончалось мирно, а ход событий, случалось, доказывал мою неправоту.

Примерно раз в месяц Медяник и я направлялись в какой-либо из близлежащих ресторанов, обычно в барбекю, расположенный во дворе отеля «Ашпока». Жареное мясо, лепешки, салат – и наслаждайся жизнью. Было в этих вылазках некоторое нарушение оперативных порядков. Сотрудникам резидентуры настоятельно рекомендовалось не демонстрировать внешнему миру свое близкое знакомство. Один из демаскирующих моментов – принадлежность к компании установленных разведчиков. Этот признак фигурирует во всех известных мне наставлениях иностранных контрразведок.

Мои подчиненные оказались знающими, добросовестными и работающими офицерами. Однако в 1972 году пришлось расстаться с одним из них при очень неприятных обстоятельствах. Было замечено, что этот человек, обладающий отличными способностями, свободно владеющий английским и без акцента говорящий на хиндустани, связался с группой нечестных дельцов и стал использовать посольские возможности для контрабандного ввоза товаров. Это во все времена расценивалось в нашей службе как совершенно недопустимое явление. Работника уволили. Он пытался покончить жизнь самоубийством, но выжил, нашел новую работу и доволен своим положением. Мне до сих пор досадно, что мы не заметили и не пресекли его проделки вовремя, когда можно было спасти человека для службы. Помешало уже упоминав-

шееся мною нежелание наших людей говорить начальству что-то нехорошее о своих товарищах.

И единственный, пожалуй, раз за все годы службы я невзлюбил не начальника, а собственного подчиненного. С Георгием я познакомился еще в Москве, и он мне приглянулся своим энтузиазмом, желанием работать, подвижностью. Меня постигло горчайшее разочарование. Георгий умел многое: водить машину, ремонтировать ее, играть на гитаре, петь, играть в теннис, бадминтон и во что-то еще. Он только не умел работать и, как я вскоре убедился, не обладал достаточной волей для того, чтобы заставить себя работать. Моя неприязнь к этому человеку приобрела устойчивый характер, но общение с ним привело к важному выводу: есть люди, которых бесполезно воспитывать и приобщать к оперативной работе. На них не следует тратить время и нервы. Им надо находить место по способностям в немалом аппарате Центра или расставаться с ними навсегда подобру-поздорову.

О моей профессиональной этике

Наша служба как своеобразный общественный институт покоится на трех китах: взаимное доверие действующих лиц, преданность делу и требовательность. Она не может не только нормально функционировать, но и просто существовать, если источник и офицер, офицер и резидент, резидент и Центр не будут доверять друг другу. В нашем деле, где очень много кропотливой, даже скучной работы, в любое время могут возникать ситуации, когда под угрозой оказывается судьба человека. Многие наши иностранные помощники работают за деньги, бывает, за очень большие деньги, но никакие суммы не побудили бы их к этому, если бы они не доверяли нашей службе и конкретно человеку, поддерживающему с ними контакт. В ходе длительной работы между нашим офицером и его «контактом» (назовите его агентом, источником, помощником – сути дела это не меняет) возникает совершенно особая близость, которая, судя по книгам и рассказам ветеранов, может появляться у людей лишь на войне. Встреча с источником проводится один на один. Разведчик добросовестно и подробно отчитывается о ней, он должен честно доложить и о неприятных для него моментах, а такие бывают нередко. Если он поддается соблазну что-то утаить, солгать, то маленькая ложь непременно будет превращаться в большую и столь же непременно обнаружится в будущем. Разведчик должен быть уверен, что никакая правда, даже самая неприятная, никакая его ошибка не будет обращена начальником ему во вред. Только при этом условии и начальник может быть уверен, что подчиненный всегда будет доверять ему, ничего не утаивая и не искажая.

Доверие не исключает требовательности. Именно требовательность позволяет стимулировать работу, выделять способных и добросовестных, избавляться от тех, кто не оправдывает доверия. Требовательность – это один из ликов человеческой справедливости, она должна быть одной для всех – от начальника разведки до самого младшего, начинающего работника. Требовательность не может идти только сверху вниз – она должна быть всеобщей и взаимной.

И наконец, преданность делу. Наша служба не может предложить сотруднику материальных благ, быстрой карьеры, общественного признания. Разведчик должен быть скромным и неприметным, его главный побудительный мотив в преданности делу и своему товариществу, в служении Отечеству.

Дружественные отношения между Советским Союзом и Индией отнюдь не означали, что индийская контрразведка относилась либерально к активности нашей службы. Существовали как бы неписанные правила: не возбраняются контакты с политическими, общественными деятелями, журналистами и т. п. Это распространялось на посольства и разведывательные службы всех стран с некоторыми ограничениями для пакистанцев и китайцев. Выявленные попытки устанавливать выходящие за рамки официальных отношения с государственными чиновни-

ками, военнослужащими и особенно сотрудниками спецслужб решительно и жестко пресекались.

Время от времени разражались публичные скандалы. Румынский дипломат был захвачен с поличным во время получения им документов министерства обороны Индии от местного журналиста и передачи тому же журналисту в качестве платы ящика виски. Встреча проводилась в городе, место ее проведения было обставлено десятками контрразведчиков. Газеты с упоением смакуют все подробности. Имена отличившихся сотрудников не называются, но о них говорят с гордостью.

Дело занятное. Каким образом контрразведке удалось заранее узнать о месте встречи и подготовить захват? Возможны два варианта. Индийский журналист был подставлен контрразведкой румынскому разведчику, но в этом случае его имя осталось бы неизвестным широкой публике. Однако это реальное лицо. У нас с ним было соприкосновение, и от развития контакта наш сотрудник уклонился – индеец предлагал грубо сфабрикованный секретный материал. Видимо, имел место другой вариант: румын и журналист сговаривались о встрече по телефону (пределы человеческого легкомыслия никому не известны) либо в помещении, где установлены подслушивающие устройства.

Румын объявляется персона нон грата. Журналиста судят. Основной тезис его защиты: подсудимый не имеет ни малейшего отношения к министерству обороны, у него нет там даже знакомых, и так называемый секретный документ он изготовил самолично без чьей-либо помощи.

Зачем румынской разведке потребовались документы министерства обороны Индии? У нашей службы взаимосвязи с румынами в ту пору уже не было, и выяснить это так и не удалось.

У нас тоже бывают неприятности. Индийцы выдворяют наших работников без объяснения причин. Посольство ритуально протестует, но мы знаем, на чем работник прокололся. Надо отдать им должное, индийцы в этих случаях всегда действуют корректно, но решительно. За выдворяемым выставляется демонстративное наружное наблюдение. В день отъезда его провожают крупные силы «чистых» дипломатов во главе с офицером безопасности. Выдворение сотрудника – это серьезное происшествие, как правило, ему подвергаются полезные и работающие люди. Пятном в биографии разведчика этот эпизод не становится, хотя, разумеется, возможности его дальнейшего использования сужаются, особенно если дело получило огласку.

Выдворение – это травма. Разведчик нуждается в особенно внимательном и бережном отношении к нему старших по службе.

Примечательно, что контрразведка время от времени наказывала нас таким образом не только за неосторожные соприкосновения с носителями индийских государственных секретов. Выдворялись и те, кто активно работал по американскому и другим иностранным посольствам.

Когда-то существовало мнение, что контрразведывательный режим в Индии слаб. Это вело к некоторой легковесности подхода к вопросам конспиративности, проработки технических аспектов деликатных операций. Жизнь заставила службу заплатить за эти заблуждения. Индийские коллеги – оппоненты на профессиональном языке – заслуживают самого глубокого уважения.

Неприятные инциденты не отражались на межгосударственных отношениях. Неосновательны, на мой взгляд, рассуждения о том, что так называемые «шпионские дела» являются причиной ухудшения отношений между странами. Напротив, осложнения всегда вызываются более глубокими обстоятельствами, и раскрытие «шпионских дел», придание им широкой огласки служит лишь удобным поводом для обвинений противостоящей стороны. Именно так обстояло дело в известных инцидентах 1971 года в Англии, 1983 года во Франции и т. д. Легковерная публика охотно принимает следствие за причину осложнений.

Еще в 1967 году, разъясняя обстоятельства громогласного выдворения резидента индийской разведки, высокопоставленный сотрудник МИДа Пакистана сказал советскому послу: «Шпионажем понемногу занимаются все, и едва ли это может вызвать серьезные возражения. Недопустимы попытки подрывать позиции законного правительства».

Эту беседу переводил я. Точка зрения пакистанца показалась мне разумной. Она представляется мне такой до сих пор.

* * *

В конце 1973 года генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев направляется с официальным визитом в Индию. Наступает момент высшего напряжения для резидентуры. Необходимо информация по всему спектру политических проблем, которая помогла бы Москве сформулировать свою позицию на переговорах. Наша информация, естественно, будет на столе руководства одновременно с депешами посольства, торгпредства, справками международного отдела ЦК. Она должна отличаться от этих материалов большей конкретностью, содержать неизвестные данные, иными словами, быть действительно разведывательной информацией. Возможности для получения такой информации есть.

Резидентура вместе с посольством, представителями агентства печати «Новости», Союза советских обществ дружбы и т. и. принимает меры к тому, чтобы содействовать созданию благоприятной общественной атмосферы в стране накануне и в дни визита, упредить возможные недружественные выпады со стороны оппозиции и тайных союзников нашего извечного «главного противника». Контакты в политических партиях, среди журналистов, в общественных организациях у нас обширные, и все с энтузиазмом включаются в работу. Энтузиазм неподдельный. Индийская общественность и политики действительно ценят добрые отношения Индии с Советским Союзом, а визит советского лидера позволит еще более укрепить их.

Последнее, но, пожалуй, самое важное – обеспечение безопасности в ходе визита. Естественно, это задача индийской стороны, но мы должны принять все меры к выявлению возможных угроз, слабых мест в организации охраны и подсказать индийцам, как их устранить. Для этой цели в Индию прибывает передовая группа Девятого управления. Группа с помощью нашего офицера безопасности вступает в контакт с индийскими коллегами и начинает методично прорабатывать систему охраны резиденции «номера первого», маршруты его передвижения, места проведения массовых мероприятий.

Темп работы нарастает. Вовлекаются все новые силы, из Москвы прибывают связисты, журналисты, эксперты, охрана, тонны грузов. Очень много толковых, энергичных и распорядительных людей, но все они распоряжаются независимо друг от друга, и возникает сумятица. Вместе с временным поверенным В.К. Болдыревым составляем план, где каждому определены задачи, место в общем порядке подготовки визита.

Наступает 26 ноября. Все идет четко. Воодушевлению индийцев нет предела, мы все купаемся в море дружелюбия. Более чем тепло принимает Брежнева индийский парламент. Наш лидер в хорошей форме, демократичен, разумен, обаятелен. Индийцам он нравится, и мы отмечаем, что в печати в эти дни не появилось ни одной колкости в адрес Советского Союза.

Однако не обходится без накладок. Индира Ганди и Л.И. Брежнев должны выступить перед народом на просторной площади у Красного форта, там, где в 1947 году отец Индиры Джавахарлал Неру провозгласил независимость Индии. Посольские переводчики трудятся над переводом объемистой речи Брежнева на хинди. (Его выступление в парламенте блестяще переводил на английский В.М. Суходрев.) Индийские власти занимаются организационной стороной дела. С утра начинают свозить автобусами народ из окрестных деревень, добровольцы Нацконгресса ведут на митинг сторонников своей партии. Стихийность в такого рода делах опасна. На площади собирается до двух миллионов человек. Ганди и Брежнева встречают

мощными аплодисментами. Выступает Брежнев. Его речь оказывается чрезвычайно длинной, политически насыщенной, написанной по манере тех времен тяжеловесно. Но главная беда в том, что ее перевели на высокоинтеллигентный, санскритизированный хинди. Этот язык абсолютно недоступен малограмотной аудитории. С таким же успехом речь можно было произносить на русском. Темнело, слушатели пытались уходить, полиция их удерживала. Мероприятие не удалось. Брежнев заметил что-то неладное, но его успокоили дружным хором.

В целом же визит по тогдашней моде был назван историческим. Наши отношения с Индией получили новый мощный импульс. Вклад службы в подготовку и проведение визита был немалым.

Работа продолжалась.

В марте 1975 года уехал в Москву Я.П. Медяник, оставив по себе добрую память и среди индийцев, и в советских учреждениях. На мою долю выпало занять место резидента. Круг обязанностей расширился, ответственность возросла. В нашей службе действует принцип единоначалия, и мне очень скоро пришлось на собственном опыте убедиться не только в несомненных преимуществах, но и в недостатках этого принципа для самого начальника.

В широчайшем диапазоне проблем, занимавших наше руководство, постоянно присутствовал Бангладеш. Война давно закончилась, удивительно быстро вернулись на родину десять миллионов беженцев, которые якобы бежали в Индию от злодеяний пакистанской армии, вернулись в Пакистан и девяносто три тысячи солдат, интернированных после войны. Время от времени в бангладешской и индийской печати появлялось упоминание о трех миллионах бангладешцев, павших от рук пакистанцев. Нам была известна история появления этих «трех миллионов». Во время встречи с бангладешским лидером, «отцом нации» Муджибуром Рахманом, в 1972 году, когда страсти еще не остыли, советские журналисты задали ему вопрос о числе жертв. Рахман замялся, сказал, что их было очень много. Корреспондент «Правды» Иван Щедров услужливо подсказал: «Миллиона три». Рахман тут же подтвердил, что именно столько, три миллиона. Так и пошла гулять эта цифра по свету.

К 1975 году отношения Индии и Бангладеш приобрели напряженный характер. Былое единодушие сменилось подозрением, взаимными упреками, конфликтами.

15 августа на рассвете пять офицеров бангладешской армии во главе роты солдат ворвались во дворец президента Бангладеш и расстреляли из автоматов самого «отца нации» Муджибура Рахмана, его родственников, премьер-министра Мансура Али. Бангладеш был объявлен исламской республикой.

Событие застало Индию врасплох. Надо сказать, что такого рода происшествия не поддаются точному прогнозу. Конечно, дипломаты и разведчики замечают, как создаются условия и предпосылки для переворота, иногда можно вычислить потенциальных заговорщиков, хотя гораздо труднее получить об этом надежную информацию. Если есть утечка сведений о готовящемся перевороте и его участниках, можно с уверенностью считать, что успешным этот переворот не будет. И кто мог предсказать, что молодой майор, которого на чьей-то свадьбе публично оскорбил сын президента, не станет долго нянчить свою обиду, а, собрав товарищей, пойдет убивать «отца нации» и провозглашать исламскую республику?

Помню, в этот день у нас в посольстве проходило заседание парткома. Речь шла, как всегда, обо всем и ни о чем. Отношения с партийной властью у меня складывались не вполне гладко, и не по каким-то высоким соображениям. Я был абсолютно лояльным членом КПСС, входил в состав парткома и никогда не подвергал сомнению целесообразность его существования. Сложности возникали по конкретным эпизодам жизни советских учреждений. У нас ведь как: коли возникли трения с парткомом, тем более сиди на его заседаниях – нудных, скучных, бесконечно длинных. С утра были даны задания работникам, запрошена через Центр информация из Дакки. До сих пор помню то раздражение, которое вызывало у меня это отвлече-

ние от дела. Вдруг дежурный докладывает: звонят из секретариата премьер-министра. Один из личных помощников Индиры Ганди хотел бы видеть меня в секретариате по возможности срочно. Быстро просматриваю поступившую информацию – ничего существенного, в основном домыслы, рассуждения, опасения. Еду в секретариат. Собеседник мне прекрасно известен, но лично с ним я встречаюсь впервые. Объясняет, что хотел бы обменяться с представителем посольства мнениями о событиях в Бангладеш. Ситуация интересная, но требует определенности. Говорю, что в посольстве есть временный поверенный в делах (посол В.Ф. Мальцев в отпуске) и, видимо, меня попросили приехать по недоразумению; что я готов связаться с поверенным и не сомневаюсь, что через полчаса он будет здесь.

Несколько помявшись, собеседник поясняет, что он получил указание сверху (у него только один босс – Индира Ганди) встретиться именно со мной. Это другое дело, думаю, – ясность внесена.

В ходе этой первой беседы мне было нечем удовлетворить интерес индийца. На его вопрос, не вовлечены ли в переворот китайцы, честно сказал, что оснований для такого вывода у меня нет и я лично считаю его весьма маловероятным.

Необходимость в контакте в дальнейшем возникала у обеих сторон. Должен, однако, отметить, что моя ведомственная принадлежность явно смущала и тяготила индийца, и он откровенно стремился ограничить контакт строго деловыми рамками. На приемах же, где иногда приходилось случайно встречаться, мы оба делали вид, что друг с другом не знакомы. И индийцы, и иностранные дипломаты люди наблюдательные, не надо было давать им пищу для размышлений...

Наша внешняя политика, казалось мне, всегда чрезмерно ориентировалась на личности. Индира Ганди была выдающимся государственным деятелем и жестким политиком. Она держала в повиновении все руководство правящей партии и безжалостно выбрасывала за борт тех, кто исчерпал свою полезность или чья лояльность вызывала у нее сомнения. Индира не была, однако, диктатором в демократической стране. Она чутко реагировала на общественное мнение, считалась с оппозицией, с переменчивыми настроениями в парламенте и в собственной партии. На месте, с близкого расстояния, посольство и наша служба все это видели, но для Москвы Индира стала Индией, а Индия – Индирой. Подобный подход вел к чрезмерному упрощению явлений, но, видимо, взглянуть на вещи по-другому в Москве не хотели и не могли. Люди бессознательно пытаются экстраполировать на чужие страны свои привычные порядки. Наша политика фокусировалась на Индире Ганди, международный отдел ЦК вынуждал индийских коммунистов поддерживать ее, на это же усилиями посольства и резидентуры направлялось все внушительное просоветское лобби. Любой прохладный ветерок в межгосударственных отношениях воспринимался болезненно. Москва вела себя порою так, будто Индия дала обет любви и верности советским друзьям. Покойный премьер-министр любила напоминать на закрытых совещаниях, что у государства нет постоянных друзей или врагов, постоянны только национальные интересы. Именно это и лежало в основе ее патриотической внешней политики.

Личность Индиры, ее политические способности, популярность зачаровывали, заставляли верить, что в любой сложной ситуации она сумеет найти такой маневр, который укрепит ее позиции. Советская сторона на всех уровнях, используя все возможности, поддерживала премьер-министра. Немало потрудились над этим и наша служба, причем не только в Индии, но и за ее пределами. Информация, содержащая критические оценки того или иного аспекта политики Индиры Ганди, встречала в Центре прохладный прием, и я не уверен, что она покидала стены ИГУ.

12 июня 1975 года судья Аллахабадского суда Синха признал недействительным избрание Индиры Ганди в парламент и лишил ее на шесть лет права избираться в выборные органы. Подтвердилась безошибочность теоремы Гедела: «Когда все предусмотрено, когда исключена возможность какой-либо ошибки или даже неожиданности, что-то обязательно случается».

Разразился политический кризис. Правящая партия стала стеной на защиту премьера. Сама Индира Ганди проявляет великолепные бойцовские качества. По сорокаградусной жаре она ежедневно десятки раз выступает перед конгресс-систскими демонстрациями, проходящими перед резиденцией премьера, говорит ярко, просто и убедительно. В городе организуется миллионный митинг в поддержку Индиры, до крайности возбуждена вся страна. Решение судьи Синха оспаривается в Верховном суде, но исход дела далеко не ясен. В советском посольстве ругают демократию. «Это дерьмократия», – заявляет один из старейших дипломатов. Наша пресса два года тому назад замолчала Уотергейт, и не потому, что Никсон был близок и дорог Советскому Союзу. Причина была ясна – власть священна и неприкосновенна в принципе, любые покусительства на нее вредны в принципе. Здесь же какой-то судья (априорно реакционер и проамериканец) замахнулся на великого лидера и к тому же друга Советского Союза.

Контроль за обстановкой ускользает из рук Нацконгресса и Ганди, и премьер предпринимает беспрецедентный шаг – вводит чрезвычайное положение. Цензура, запрет некоторых газет, арест видных деятелей оппозиции. Индия затихает. Думаю, что именно чрезвычайное положение было началом процесса, завершившегося поражением Нацконгресса и самой Индиры на выборах в марте 1977 года. Народ не прощает злоупотребления силой.

Наше увлечение Индирой было столь велико, что, следя за всеми хитросплетениями политической борьбы, анализируя нити бесчисленных интриг, замысловатых маневров, все мы упустили из виду главное действующее лицо любой исторической драмы – безмолвствующий до поры до времени народ.

Эксперты – это люди, за деревьями не видящие леса.

На выборах 1977 года Национальный конгресс потерпел сокрушительное поражение. Наша служба не предвидела масштабов этого поражения. Слабым утешением было то, что в прогнозах ошиблись все: индийские политики, иностранный дипломатический и разведывательный корпус, проницательная индийская и мировая пресса. Не всегда приятно оказаться на стороне большинства. В московских кругах, интересующихся индийскими делами, распространился слух, что КГБ-де предсказывал плачевный результат выборов, но с этим не согласилось посольство. Эти слухи были необоснованны. Мы регулярно общались с послом В.Ф. Мальцевым, обменивались информацией, советовались. Не было сомнений, что Индира Ганди быстро теряет позиции, но сохраняет шансы на получение хотя бы относительного большинства в парламенте. Возможность того, что потерпит поражение сама премьер-министр, практически не допускалась. Резидент и посол ошибались в одинаковой степени.

Падение правительства Ганди и приход к власти Морарджи Десаи не сказались сколько-либо заметным образом на советско-индийских отношениях. Факторы, сближающие наши страны, действовали объективно. Именно эти факторы – экономические, стратегические, военные – определяли отношение индийских руководителей к нашей стране и государственную политику Индии. Падение Индиры Ганди было неприятным эпизодом, но не трагедией с точки зрения интересов Советского Союза.

Между тем истекал шестой год моей работы в Индии. Центр счел благоразумным ускорить мой отъезд.

...1 апреля 1977 года в Москве шел густой мокрый снег. Как хороша все-таки наша весна – хмурая, не улыбочивая, непостоянная, но такая понятная. Еще одна московская весна – много ли у меня их будет?

«Любите ли вы театр?»

Ничего не просить и ни от чего не отказываться. Мне предложили вернуться в тот же отдел, откуда я уезжал в командировку в 1971 году, в качестве заместителя начальника. Предложение было принято, однако работа в отделе не приносила ни радости, ни удовлетворения.

Предложение поехать резидентом в Тегеран я воспринял как спасение и начал энергично готовиться к командировке. Прежде всего, разумеется, книги по Ирану. Их оказалось немало, и я впервые почувствовал, насколько близок Иран России и насколько прочно связала эти две страны история. Понимая, как осложняет работу незнание языка в стране пребывания, взялся за фарси. Грамматика этого языка оказалась достаточно логичной и не слишком сложной. Ко времени отъезда мне удавалось с некоторым трудом разбирать газетные тексты, затем стал воспринимать передачи новостей по радио и телевидению. Для активной самостоятельной работы этого было явно недостаточно, но практическую пользу занятия языком принесли. Пока я занимался подготовкой к отъезду, шах Мохаммед Реза Пехлеви бежал из страны, в Тегеран возвратился имам Хомейни. Исламская революция была в полном разгаре.

Наконец срок вылета намечен. Состоялись последние беседы в Управлении кадров КГБ, административном и международном отделах ЦК КПСС. Это обычный набор наставлений, обязательных для каждого отъезжающего резидента. Нашу службу лишь условно можно назвать секретной – так много чиновников партийно-государственного аппарата нас контролируют и наставляют.

В последние дни апреля вызван на беседу к секретарю парткома КГБ Гению Евгеньевичу Агееву. Разговор идет обычным чередом, на стандартные вопросы даются стандартные ответы. Это ритуал, соблюдаемый обеими сторонами.

«А в театр вы ходите?» – спрашивает Агеев. Это тоже часть ритуала. Кто-то из высокого начальства когда-то установил, что каждый культурный человек обязательно ходит в театр, а сотрудник КГБ должен быть культурным.

Утратив на мгновение бдительность, говорю: «Нет, не хожу!» Собеседнику ситуация непонятна: «Конечно, времени не остается на театр». – «Нет, время есть. Я просто не люблю театр!» Можно было подумать, что я признался в нелюбви к социалистическому реализму или чему-то другому, что должно быть дорого сердцу каждого коммуниста, настолько мой ответ изумил партийного секретаря.

Затухающий было разговор оживился, мне прочитано наставление по поводу необходимости быть в курсе культурной жизни, знать нашу повседневную действительность.

Не успел я приехать из парткома на Лубянке в ПГУ, как недовольный голос Крючкова спросил по телефону: «Что это вы там наговорили?» И я был срочно отправлен в Баку и Ашхабад для познания советской действительности и знакомства с азербайджанскими и туркменскими коллегами.

Оба эти города и люди, живущие в них, показались мне очень привлекательными. Воистину нет худа без добра.

В августе – сентябре 1978 года ПГУ пришло к выводу, что дни монархии в Иране сочтены. Прогноз подтвердился, произошла исламская революция. В движение пришли огромные массы народа, жесточайшая деспотия сменилась анархией, фактическая власть перешла в руки вооруженных, соперничающих между собой группировок самой различной ориентации.

Оправлялись от шока американцы. Посольство США и резидентура ЦРУ работали с монархистами, энергично восстанавливали контакты в военных кругах, налаживали связи с духовенством и левыми организациями. Менее заметно, но более эффективно действовали англичане, французы, немцы. Продолжал наводить ужас призрак грозной тайной полиции САВАК.

Перед нашей службой стояла задача внимательно следить за внутренней ситуацией в Иране, определить расстановку внутривластных сил, приобрести источники в наиболее влиятельных, в первую очередь религиозных организациях. Предметом особой заинтересованности были отношения Ирана с США и странами Западной Европы, деятельность американцев в Иране. Со временем на первый план вышли вопросы политики Ирана в отношении СССР, экспорта исламской революции, ирано-иракской войны, вопросы, связанные с Афганистаном. Внутривластное положение в стране неизменно оставалось главной проблемой.

После приволя первых революционных месяцев обстановка изменилась. В апреле 1979 года был захвачен вооруженными лицами наш сотрудник Ф. Он направлялся на встречу с одним из лидеров Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) Саадати и попал в засаду. Засада была организована исламским комитетом, обеспечивавшим охрану посольства США. Совпадения здесь быть не могло. Акция была организована совместно ЦРУ, остатками САВАК и представителями новой власти. Установить время и место встречи они могли с помощью агентуры или путем подслушивания. Ф. был выдворен. Через какое-то время был расстрелян глава исламского комитета при посольстве США Кашани, по прозвищу Мясник.

В тюрьме «Эвин» был казнен и Саадати, пытавшийся поднять восстание заключенных. Революция, как и в прежние времена, пожирала своих детей. Подразделения САВАК были очищены от наиболее одиозных фигур, переформированы и перешли на службу новой, исламской власти. Списки сотрудников и агентуры САВАК, чего настойчиво добивались все антимонархические силы, опубликованы не были.

Советский отдел САВАК не разгонялся. Временное вынужденное бездействие его сотрудников уже к маю – июню 1979 года прекратилось.

Нам тоже пришлось отказаться от послаблений и организовывать работу в соответствии с самыми жесткими требованиями конспирации и безопасности.

Тщательно разрабатывались маршруты движения, рассчитанные на то, чтобы выявить наружное наблюдение. У саваковцев была прекрасная выучка, их готовили американские и израильские инструкторы. Сами персы – исключительно способные люди, так что любая оплошность могла обернуться для нас бедой. Бед же у нас и так было достаточно.

Иранская резидентура была небольшой, знакомство с работниками и делами заняло несколько недель. Обстановка в стране развивалась так стремительно, с такими неожиданными поворотами, что работать приходилось очень много. Мне показалось, что некоторые коллеги недостаточно активны, пытаются прикрывать случайными связями отсутствие выходов на действительно интересных нам людей. Слабы оказались контакты среди духовенства, хотя важно, что они вообще есть. Их должно быть больше – муллы ввязываются в политику, у них давние и тесные отношения с базаром, следовательно, они досягаемы для разведки. Армия присутствует на политической арене как грозная и загадочная сила, к ней тянутся американцы. Надо интенсивно развивать связи с офицерами, которые удалось установить в дни революционной неразберихи.

Задача задач – американцы. Лишь захват посольства США, ликвидация легального присутствия американцев в Иране несколько ослабили давление Центра на резидентуру. Американская агентура в Иране осталась, но наладить работу с ней было невероятно трудно.

Американская разведка в полной мере использовала иранскую эмиграцию. Эмигранты – неисчерпаемый, но весьма ненадежный источник информации. Суждения эмигрантов могут быть верными или неточными, но все они окрашены ненавистью к тем, кто их вытеснил из страны, и поэтому не заслуживают полного доверия.

Меня не удовлетворял уровень осмысления событий, качество информационных сообщений. Многие из них приходилось коренным образом перерабатывать. Это не занятие для резидента, но выхода не было. Несколько раз с удивлением обнаруживал грубые искажения в переводах документов, что заставило скептически относиться к некоторым специалистам по

языку фарси, сверять их переводы с оригиналом, что также требовало времени. К счастью, был быстро найден общий язык со знатоками Ирана, энтузиастами своего дела послом В.М. Виноградовым, советниками Н.И. Козыревым, Е.Д. Островенко. Общение с ними позволяло лучше узнавать еще малознакомую страну.

Однако я не мог замкнуться в четырех стенах своего кабинета. Нужны были контакты, непосредственные соприкосновения с иранской действительностью, знание города. Без этого резидент превращается в руководителя общего плана, его указания и рекомендации обесцениваются, незримый барьер начинает отделять его от коллег. Требовала движения и натура оперативного работника.

Кто-то сказал, что, выбирая между действием и бездействием, разведчик всегда отдаст предпочтение первому. Это не всегда благоразумно, бывают ситуации, где выгоднее не проявлять активности. Тем не менее утверждение верно.

Вновь думаю, что не могу идти в воспоминаниях в строго хронологическом порядке, от события к событию. Событий было много, они подробнейшим образом описывались компетентными наблюдателями и исследователями: штурм посольства США и взятие американских заложников в 1979 году, падение правительства Базаргана, война с Ираком, неудачный американский десант для освобождения заложников, истребление моджахедов иранского народа, истребление партии

Туде, погромы советского посольства, бесконечные политические убийства, взрывы и расправы.

Лучше, думается, вспоминать эпизоды, оставшиеся в памяти навсегда. За абрисом эпизодов прорисовываются характеры. Характеры, проявляясь, создают действие. Действия разных характеров, объединяясь, создают тот самый гобелен, который и называется жизнью. Яркие, изящные пейзажи Ирана, персидская лаковая живопись, звуки и запахи Востока – замечательный фон. Фон для чего? Как тут не вспомнить слова нашего Агеева: «А в театр вы ходите?» Уж если цитировать, то первоисточник, замечательную статью замечательно увлекавшегося русского человека – Виссариона Григорьевича Белинского, называвшуюся проникновенным «Любите ли вы театр?». Ведь любить театр вовсе не значит аккуратно посещать модные московские премьеры, где часто замечен грим, голоса звучат порою ненатурально, со сцены несет сквозняком и запахом клея, а котурны так навязчиво напоминают о себе, громяхая по некрашеным доскам авансцены.

Нет, театр, который я действительно люблю, не таков...

Тегеран

Здания старых посольств в Тегеране, тех, что существовали до Второй мировой войны, упрятаны в глубине просторных парков, за глухими кирпичными стенами. Высокие платаны и сосны, пережившие не одну иранскую смуту, бросают густую уютную тень на аккуратные лужайки, подстриженный кустарник, посыпанные мелким красным щебнем дорожки, дремлют под журчание арыков, несущих прохладную воду с гор. Советское и английское посольства почти соприкасаются углами своих участков. В 1910 году расположились в парке, который через шесть лет отошел российской миссии, мятежные отряды Саттар-хана. Правительственные войска подвергли их артиллерийскому обстрелу в упор с территории английской миссии (видимо, ограды тогда были пониже) и вынудили к сдаче.

Фасадная сторона нашего посольства тянется метров на четыреста по северной стороне улицы Черчилля, переименованной в улицу Нефль-ле-Шато в честь местечка под Парижем, где дожидался революции имам Хомейни. Улица малолюдна – расположены на ней два-три магазинчика, консульский отдел посольства, отделение Интерпола. Прямо напротив ворот посольства стоит трехэтажный дом, шторы на окнах которого никогда не поднимаются. Есть в этих шторах узкие щели, откуда день и ночь наблюдают за нами. Так было при шахе, так осталось в исламской республике. Зайдет в посольство посетитель-иранец, выйдет, и в первом же перелуке его дотошно допросят – кто таков, какие такие дела в посольстве, с кем встречался, о чем говорил, установят адрес и, если убедятся, что зашел человек по наивности, попугают и отпустят, предупредив, чтобы не вздумал появляться здесь опять. Бьют редко, но пистолетом пригрозят и обыщут, разумеется, самым тщательным образом. Так что посетителей в посольстве бывает очень немного, в основном иностранные дипломаты, приезжающие посетовать на обилие слухов и отсутствие информации.

В том же доме напротив примечается, кто из иностранных дипломатов бывает в посольстве регулярно. При случае в иранском МИДе соответствующему послу могут намекнуть, что не стоило бы, дескать, вашему сотруднику так тесно общаться с посланцами «восточного империализма». Надо сказать, что оказывать таким образом давление на дипломатов новая власть любит, и игнорировать разного рода намеки было бы просто неосмотрительно, особенно после того, как было взято штурмом посольство США, а его сотрудники оказались заложниками. Можно ли пропустить мимо ушей совет официальной газеты революционному народу поинтересоваться одним посольством, расположенным к югу от «шпионского гнезда», то есть захваченного посольства США? Там-де есть документы поинтереснее, чем у американцев. Одно из небольших посольств было предупреждено местным исламским комитетом по поводу того, что в его, посольском, мусоре обнаруживается слишком большое количество пустых винных бутылок, а это свидетельствует о потреблении дипломатами спиртного вопреки указаниям имама Хомейни. Что может последовать за таким предупреждением? Да что угодно. Демонстрация, гнусного содержания надписи на стенах, забастовка мусорщиков, наконец. Иранцы много терпели от иностранцев, и уязвленное чувство национального достоинства отыгрывается теперь на правом и виноватом, а врожденная, казалось бы, иранская вежливость оборачивается подчеркнутой грубостью.

Те, кто присматривает за посольством, не грубят и стараются на глаза не попадаться. Это профессионалы, работавшие за деньги на шаха и отнюдь не изменившие своих убеждений в исламской республике. Не будем на них обижаться – люди работают.

Из записных книжек

Мой друг – обаятельный белозубый итальянский дипломат Бонетти – прекрасно осведомлен о местных порядках. «Какая ужасная страна, какая ужасная!» – восклицает он, прежде чем рассказать очередную историю о злодейских выходках стражей. Например, о том, что стражи облили кислотой женщину, появившуюся на улице без предписанной накидки. Или о том, что они застрелили на побережье Каспия женщину, купавшуюся в море вместе с мужчинами. «Какой ужас!» Мой друг не вполне верит слухам, но и не может убедиться в их неправоте, что тревожит его логичный латинский ум. Тревожит не только Бонетти, но и всех наших коллег неопределенность ситуации, зловещая расплывчатость силуэтов главных действующих лиц иранской драмы. Трещат привычные рамки анализа, разваливаются стройные умозаключения. Только-только начинается какая-то понятная для всех линия политического развития, только вздохнет дипкорпус с облегчением, как тут же события идут кувырком, исчезают, растворяются в мутной дымке прогнозы. Появился было президент Банисадр и уверенно, как казалось западным посольствам, пошел к вершинам власти. Бедный вечный студент Сорбонны Банисадр, бедные незадачливые аналитики! Подул колючий ветер, вышли на улицы и площади бородачи с автоматами, загремели выстрелы, захрустели кости под сапогами и прикладами. Сбрил президент роскошные усы, переделся в женский хиджаб, спрятался в туалете самолета и так спас свою жизнь.

Думаю, дружеские чувства, которые испытывает ко мне итальянский дипломат, не вполне бескорыстны, хотя и искренни. С давних пор укоренилось в Иране, стало частью политического фольклора мнение о том, что англичане и русские знают и могут все. Традиция восходит к тем давним временам правления Каджаров, когда Россия и Англия действительно хозяйничали в Персии, делили ее на сферы влияния, интриговали друг против друга, смещали и назначали министров и губернаторов, провоцировали бунты и подавляли их. Давно прошли те времена, забыты Каджары, превратилась во второразрядную державу могучая Англия, на месте России возник и окреп Советский Союз, а традиция живет, подпитывается невежеством, злонамеренными шепотами, страхами и... надеждами. Разные надежды у разных тегеранских жителей.

...Я иду по площади Фирдоуси. Вот маленький жестяной киоск, окрашенный зеленой масляной краской. Киоск битком набит бумажной рухлядью – пожелтевшие растрепанные журналы, обрывки многоязычных книг, потускневшие плакаты. У вороха макулатуры слышу: «Ты русский». Я не отрицаю. «Я – Гриша из Ростова». – «Здорово, земляк! Какими судьбами в Тегеране?»

Гриша ухмыляется, загадочно говорит: «Через Шанхай пароходом. – И спрашивает в упор: – Когда придут наши?» – «Какие наши, куда придут?» – «Сюда! Видишь, что здесь делается. Народ ждет, что придут наши и наведут порядок. Когда придут?» Разговор не очень приятен. Гриша не вполне трезв, его компаньон продолжает улыбаться и разводить руками. Не хватает еще услышать в центре Тегерана «А ты меня уважаешь?» или, что будет похуже, увидеть поблизости стражей порядка. Приятели – из сомнительных кругов русской эмиграции в Иране, знакомство с ними дипломату излишне, а их болтовня бесполезна.

Но откуда взялась мысль о приходе «наших»? Нет, не сам Гриша до этого додумался и не только осколки эмиграции поглядывают на север. Наши доброжелатели, а их в Иране немало, тоже задают этот вопрос. Многие из них видят мир упрощенно, история начала века им кажется всего лишь вчерашним днем, и они недоумевают – разве не замечает Россия, что здесь гибнут ее друзья и крепнут враги, разве не могут перейти границу советские танки, чтобы от их грохота рассеялось черное наваждение, окутавшее страну?

Перемешались в умах иранцев прошлое с настоящим и будущим, реальность с призраками, здравый смысл с бредовыми фантазиями, а самое главное – никто понять не может, чем кончится вся эта смута, чьи еще жизни она унесет, кого казнит и кого помилует...

Не в лучшем положении оказались и дипломаты. Вот и приходится итальянцу дружить с русским коллегой. В назначенный по телефону день и час Бонетти подходит к воротам посольства, и мы отправляемся в недалекую гостиницу «Нью надери» пообедать. Идем по полуденному солнышку, стучим каблуками по асфальту, рассказываем друг другу были и небылицы, но не очень громко, чтобы поспешающий поодаль перс не мог всего расслышать. Скрывать нам нечего, будем разговаривать и в ресторане, а там, это известно, еще в шахские времена были установлены приспособления, позволяющие подслушивать разговоры гостей. Но облегчать жизнь глазам и ушам исламской революции тоже особого смысла нет. Пусть перс идет рядом и пытается услышать предобеденную чепуху – это его работа.

В ресторане при гостинице тихо. Хлебаем ячменный суп, жуем чело-кабаб – полоску жареного мяса, положенную на вареный рис, запиваем все это лугом, газированным кислым молоком, и ведем беседу. Говорим по-английски. Бонетти владеет им свободно, так же как французским и немецким. Мне приходится слегка преувеличивать свои познания в фарси и урду, чтобы у итальянца не появилось ложного чувства превосходства. Бонетти – тайный русофил, он мечтает побывать в Москве, читает русскую литературу, и я с удовольствием преподношу ему «Войну и мир», к сожалению в английском переводе. Возможно, русофильство моего друга навеяно деловыми соображениями. Но он неназойлив, тактичен, а Россия всегда зачаровывала иностранцев, всегда хотелось им заглянуть в ту шкатулку, которая у них зовется русской душой. Одни делают это профессионально, другие любительски, но надо сказать, ни у тех ни у других ничего не выходит. (Кто-то давным-давно подсунил читающей Европе мысль о том, что душа эта лучше всего описана Достоевским. Бонетти уверен, что так и есть.) Разговоры об Иране перемежаются рассуждениями о русской истории и литературе, и мне доставляет удовольствие просвещать коллегу. Кстати, знает ли он, мой уважаемый друг, что первые башенные часы в персидском городе Исфагане в XVIII веке установил его соотечественник, итальянский мастер? Итальянец приятно удивлен. При всей дипломатической космополитичности он – патриот Италии.

Мы не спешим. Обеденный перерыв в советском посольстве трехчасовой, итальянец возвращается после обеда к письменному столу не собирается. Обсудили все последние политические события – мир для дипломата зачастую замыкается страной пребывания, особенно если она так необычна и беспокойна, как Иран. Горизонт сужается, политический центр вселенной перемещается в Тегеран. Редкому иностранцу, долго живущему в чужой стране, удастся избежать этой аберрации дипломатического зрения.

Кофе, приготовленный по армянскому рецепту (хозяин ресторана армянин), крепок и вкусен, не позволяет подкрасться послеобеденной дремоте. Легчайший ветерок изредка пробегает по голубой воде бассейна во дворе гостиницы, где и положено пить кофе.купающихся и загорающих нет – в исламской республике это занятие рискованное для всех, без различия пола и вероисповедания. Бассейны заполняются водой для уюта, для того, чтобы можно было взглянуть на ее переменчивый облик, подумать о бренности бытия. Жители засушливой каменистой страны не просто любят, а боготворят воду – в богатых домах устраиваются бассейны и фонтанчики, люди победнее услаждаются созерцанием воды в арыке.

Где-то поодаль, в переулках, раздается хлопок выстрела. Возможно, задремал на посту страж революции или же кто-то во двореике своего дома либо на балконе неумело принялся за чистку оружия. К этому заключению мы приходим моментально – мы люди опытные и знаем, что среди бела дня одиночный выстрел бывает только случайным. Если завязывается схватка или происходит убийство, стреляют много. В Тегеране привыкли к тому, что каждый резкий звук – это выстрел или взрыв.

Выстрел выводит нас из состояния задумчивости, прерывает неторопливые размышления вслух. «Ну что же, товарищ! – нарочито громко говорю я. – Не пройтись ли нам по революционному Тегерану?»

От обращения «товарищ» Бонетти слегка смущается, оглядывается вокруг и смеется сам над своим испугом.

Прогулка по Тегерану – сомнительный отдых, но занятие для любознательного человека весьма полезное. Я читаю надписи на стенах и перевожу их для своего спутника. Глаза Бонетти блестят, и он уже обдумал живописную депешу в свой МИД. Нужны сочные детали – и тегеранские стены охотно их предоставляют. Ужасающие проклятия в адрес Америки, Англии, Советского Союза вызывают у Бонетти сокрушенные вздохи. На мой призыв не лицемерить (Италия энергично вгрызается в иранский рынок, иранцы ей благоволят) Бонетти широко улыбается, и мы продолжаем свою прогулку.

Уличная торговля расцветает здесь по мере того, как чахнут крупные магазины. Любой товар из любой страны мира, хотя выбор постепенно сокращается, а цены стремительно растут. Частный сектор парирует официальные ограничения и строгости контрабандой, подкупом исламских должностных лиц. Торговец изворотлив и вездесущ. Ислам – официальная идеология, торговля – тот настоящий идол, которому здесь поклоняются, торговля священна. Власти могут обидеть купца, оштрафовать его, даже плетью выпороть за неисламское поведение, но ни у кого не поднимется рука на базар в целом. Подобное святотатство было бы чревато самыми грозными последствиями. Закрытие базара в знак протеста – это признак политической катастрофы, поражения власти. Не случайно, что такое происходило только накануне падения шаха и ни единого раза – после исламской революции. В Иране, как и на Востоке вообще, базар не просто территория, где товар обменивается на деньги, а деньги на товар. Базар – понятие социально-политическое, объединяющее то, что на Западе сухо именуется мелкой, средней, крупной торговой буржуазией, ремесленниками, мелкими предпринимателями, люмпен-пролетариатом, мелкобуржуазной интеллигенцией и т. и. Огромные магазины-супермаркеты и крохотные лавчонки, где с трудом умещается среди товара торговец, маклерские конторы, оборудованные телетайпами, и лоток уличного разносчика – это все побеги одного могучего, древнего корня, питающего современную иранскую государственность, будь то монархия или исламская республика.

Бонетти в своих рассуждениях не улавливает значения спокойствия базара, ему кажется, что власть терроризировала торговца и силой заставила торговать. Симбиоз купца и муллы, базара и мечети – одно из прочнейших явлений иранской общественной жизни.

Позади советского посольства расположились торговцы старьем – подержанная мебель, тряпки, лампы, старый шкаф устало прислонился к высокой кирпичной стене, рядом с ним – колченогий стол. Встань на стол, заберись оттуда на шкаф, влезай на стену и смотри, что происходит на посольской территории, а хочешь – прыгай туда. Посол выходит из себя, требует в иранском МИДе убрать самсаров – старьевщиков. Давно сменился посол, мидовские чиновники сменились, а старые шкафы, лампы, аквариумы, чемоданы стоят и лежат у чинной, респектабельной посольской стены.

Пересекаем широкую улицу Фирдоуси. Дело непростое. Машин в Тегеране много, они мчат сплошным потоком, руководствуясь не правилами уличного движения, а слепым инстинктом выживания. Изредка проносится приземистый бронированный «мерседес» с темными стеклами, сопровождаемый вооруженной охраной на мотоциклах: едет местное духовно-политическое руководство. Пулей летит машина скорой помощи. Вылетает из переулков и мчит зигзагами, запрыгивая на тротуары, проскакивая в немыслимо узкие зазоры между машинами, марсианская фигура в яйцевидном ярко-красном шлеме, выпуклых черных очках, перчатках с раструбами и мгновенно исчезает вдали – это мотоциклист на четырехцилиндровом японском чудище.

Мотоцикл – идеальное средство передвижения для террористов, его преимущества совершенно очевидны – маневренность, малая приметность, способность проскочить в такую щель, где не пройдет ни одна машина, высокая скорость. Исполнитель сидит на заднем сиденье, за спиной мотоциклиста, у него свободны обе руки. Гремит очередь из автомата или взрыв ручной гранаты, валится жертва бородой на асфальт, бегут переполошенные стражи исламской революции – «кто стрелял?!», «держи, лови!». Но держать и ловить некого. Свидетели не заметили ни номера мотоцикла, ни примет его седоков – подскочили, на секунду приостановились, выстрелили и вихрем за угол. Растекается по серому тротуару лужица крови, огораживают ее мелкими камешками, кладут букетик тюльпанов или гвоздик, горестно декламируют: «Кровь победит меч – хун бар шамшир пируз аст!»

Но это происходит в другой день и в другом месте. Нам же удастся без потерь перебраться через дорогу и выйти на улицу Манучехри. Я обещал показать Бонетти маленький, неизвестный ему книжный магазинчик, а он собирается оказать такую же услугу мне.

Манучехри – улица антикваров и менял. Загадка иранской революции: торговля золотом и иностранной валютой не подверглась никаким ограничениям. Курс валюты, разумеется, кризисный. Иранский риал обесценен, спрос на доллары, фунты, марки, иены растет. Зажиточная публика на всякий случай покидает страну. Это тоже иранская традиция – переждать тяжелые времена в Париже или Ницце в твердой уверенности, что все образуется. В прошлом именно так и происходило.

Менялы-сафары одеты аккуратно, на европейский манер. Перед каждым небольшой столик-лоток, с прозрачными стенками и стеклянной крышкой. На зеленом сукне солидно поблескивают золотые монеты и пластины. Торговля без обмана, в открытую, медяшку покупателю здесь не подсунут. Менялы смотрят на всю происходящую вокруг нелепицу без трепета, есть у них какой-то свой ангел-хранитель, берегущий и от бунтовщиков, и от властей. Кажется несведущему, воспитанному в другой традиции иностранцу, что вот-вот взревут мотоциклы, зазвонят разбитые лотки и витрины, налетевшие молодчики соберут сокровища в кожаные мешки, пока их сообщники держат под дулом автоматов перепуганных, дрожащих менял и случайных прохожих. Или же, думается чужестранцу, появятся строгие бородатые молодые люди, тоже с автоматами, вежливо, но твердо попросят спекулянтов-менял проследовать в автофургон с решетками на окошечках, а лотки опечатают и бережно перенесут в надежные места для составления описи. Ошибка, ошибка! Плохо знаете Иран! Исчезают товары, исчезают люди, жизнь становится суше, тяжелее, тревожнее, но золото поблескивает на зеленом сукне, и радугой переливаются вееры банкнот на перекрестке улиц Фирдоуси и Манучехри, напротив парадного въезда в английское посольство.

Во всем этом для иностранного наблюдателя есть какая-то беспокоящая неувязка. Идет ожесточенная борьба, по существу гражданская война. Позиции комбатантов не обозначены на карте, не роятся окопы, не захватываются населенные пункты. (Хотя и такие вещи случались в Прикаспии, в горах Мазендерана, где противники хомейнистов на два-три дня освободили городок Амоль.) Это ползучая война, подземный пожар, языки пламени которого могут вырваться на поверхность в любое время и в любом месте. Население вооружено. Старая криминальная полиция, жандармерия получают жалованье, но ни в какие дела не ввязываются – слишком много властей, каждый мулла может обвинить честного полицейского в антиисламских действиях. Ходят чиновники на работу, посмеиваются и горюют над всеобщим помешательством, ставят печати и штампы, если это требуется, ждут лучших времен. Стражи революции уголовной преступностью не занимаются. Исламские комитеты блюдут порядок в своих кварталах – мохалла, искореняют крамолу. Ни опыта, ни квалификации для борьбы с грабителями у них нет. Все компоненты вроде бы налицо – смута, слабая и разобщенная власть, богатые купцы, оружие у каждого. Должны быть налеты, грабежи, разбойные нападения, должны появиться свои иранские Япончики и Диллинджеры. Возможно, изменяет память, но за все

послереволюционные годы в Иране был ограблен один периферийный банк и предпринята неудачная попытка налета на банк в Тегеране. Ворвались два вооруженных юноши в банк и потребовали деньги. То ли вид у них был не слишком решительный, то ли привыкли тегеранцы к оружию, но служащие затеяли с ними переговоры и ухитрились вызвать стражей. Отбивались налетчики, пока патроны не кончились, и сдались.

У перса нет склонности к применению насилия в целях наживы. Это явление было замечено нашими соотечественниками еще во времена первой иранской революции в начале века. Я с удовольствием привожу своему спутнику заученную цитату из книги К. Смирнова, изданной в 1916 году в Тифлисе: «Жители Персии понятия не имеют об экспроприациях, и даже случаи воровства редки. Купец везет из банка несколько мешков с серебряной монетой и может быть спокоен, что его никто не тронет... Нет властей, нет законов, а между тем случаи убийств, грабежей и других крупных правонарушений, не считая колоссальных мошенничеств, чрезвычайно редки... Кроме некоторых острых моментов, когда безумствовали солдаты и всадники, в столице все время было совершенно спокойно и безопасно, несмотря на полное отсутствие ночных сторожей и тому подобное... В Европе и без всякой революции в самое спокойное время в городах гораздо больше убийств, разбоев, грабежей и тому подобных случаев, чем было в Персии в разгар революции».

Времена изменились, гибнут десятки и сотни людей каждодневно, но грабежей и разбоев, как и в начале века, практически нет.

Рядом с конторами менял по улицам Фирдоуси и Манучехри ковровые и антикварные магазины. Туда мы не заходим. Западные дипломаты для покупки персидских ковров и прочих редкостей пользуются услугами надежных частных посредников. В первые месяцы исламской власти распродавалось на аукционах имущество шахской семьи, за бесценок приобретали власть имущие и ковры, и картины, и люстры, приобретали сами, позволяли делать это своим знакомым и родственникам. Один делец за четыреста долларов купил скрипку Страдивари и продал ее в Нью-Йорке за полтора миллиона. Воспользовались распродажей и западные посольства, помогали старые связи из деляческого мира. Советским гражданам не позволяла покупать ковры и иные редкости скромность зарплаты, отсутствие соответствующей товароведческой эрудиции и поэтому интереса.

Итак, проходим мимо антикваров. Они скучают. Суровый ветер революции вымел из Ирана чуть ли не триста тысяч американцев, англичан, западных немцев, итальянцев, банкиров, экспертов, туристов, артистов кабаре, военных и гражданских советников. Для антикваров наступил мертвый сезон.

Увешаны стены лавок традиционными персидскими миниатюрами. Мотивы Омара Хайяма – красота, любовь, стремительность течения жизни и равнодушная, всепоглощающая вечность. Красивой вязью, золотом и кармином на слегка пожелтевшей бумаге выписано простое изречение: «И это пройдет», как безнадежный общий знаменатель и труда художника, и бессмертных стихов, и сумеречной антикварной лавки с ее печальным владельцем. Груды потемневших серебряных браслетов и ожерелий, покрытые зеленою медные блюда, агатовые печатки, ржавые кинжалы, монеты былых времен, расписные старинные пеналы для каламов, страницы рукописей, хрустальные флакончики – каждая из этих вещей за свое долгое существование хотя бы раз кого-то порадовала, прежде чем оказаться на запыленном прилавке под тусклым стеклом.

«И это пройдет». Пройдет безвременье, затихнут автоматные очереди, сбреют бороды исламские стражи, пойдут по тегеранским тротуарам беспечные и простоватые чужеземные гости, сбросят женщины бесформенные, придуманные злым умом балахоны, зазвучит, как это было совсем недавно, громкая, веселая музыка на тегеранских площадях и улицах...

Много было в Тегеране музыки и до, и во время, и после революции. Были большие современные магазины, где мог человек купить самые свежие музыкальные записи всего мира.

Стояли рядами переносные лотки, а на них аккуратными стопками лежали коробочки с магнитофонными кассетами, и без конца звучали модные напевы. Появились революционные песни, печальные и мужественные мелодии кровавых дней влились в общий разноголосый хор, будоражащий душу.

Имам Хомейни осудил музыку – она вызывает похотливые желания у молодежи. Пошли по улицам бородатые юноши, гоня прочь торговцев музыкой. Ненадолго умолк город, а через некоторое время загремел, задребезжал, застонал через сотни уличных громкоговорителей аравийскими распевами коранических стихов, гневными проповедями, жестяными механическими маршами. Вновь пришлось вмешиваться имаму, теперь в защиту оскорбляемых ушей правоверных. Он распорядился прекращать передачи в те часы, когда мусульманин должен отдыхать. Имам заботился, как и положено духовному пастырю, о своих верноподданных, но облегчение наступило и для нас, неверных, страдавших от усердия исламских пропагандистов.

Долгой в этот день оказалась наша прогулка с итальянским дипломатом Бонетти. Но и прогулка кончилась, и день прошел, остались воспоминания.

* * *

По вечерам Тегеран погружается в непроглядный мрак. Закатывается яркое азиатское солнце за Эльбурсский хребет, синеют недолго сумерки, но не зажигается ни один фонарь, не загорается ни одно окно, не вспыхивают автомобильные фары.

Идет война. Налеты иракской авиации повергают в смятение и страх огромный город. Пара иракских МИГов прошла на бреющем полете над центром, оглушая жителей чудовищным ревом двигателей. Пронеслись смертоносные огнедышащие машины, ухнули вдалеке разрывы ракет, и в наступившей мертвой тишине загремели вдруг по всему городу металлические ставни – лавочники запоздало бросились закрывать магазины. А через несколько минут, как бы очнувшись, забухала, застрекотала вся тегеранская противовоздушная оборона. И еще позже пошли по улицам патрули, угрожая стрелять по освещенным окнам. Затемнение – по правилам военного времени.

Воздушные тревоги, натужный вой сирен, беспорядочная всеобщая пальба, диковинные фейерверки в ночном небе, дорожки трассирующих очередей, букет снарядных разрывов – все было ежедневно, но ни один человек в Тегеране не мог бы сказать наверное, были ли действительно налеты. Стреляли в ту пору в Тегеране много, бестолково, и зачастую стрельба была не следствием, а причиной воздушных тревог. Почудилось что-то зенитчику в вечернем небе, нажал на спусковую педаль – тут же весь город, вся система ПВО, не дожидаясь команд, начинали палить в темноту. Железными голосами кричат громкоговорители: «Просим граждан прекратить стрельбу! Самолет в небе свой!» Однажды дело кончилось тем, что тегеранцы загнали плотным огнем из всех видов оружия свой самолет в крутую гору.

Нет мира! С телевизионного экрана устрашающе прут тюрбаны и бороды, несутся проклятия в адрес врагов исламской революции, безудержное хвастовство и заклинания, декламируются нараспев коранические суры – и слова, и напев, и акценты далеки от иранского сердца, родились они много веков назад в Аравийской пустыне, среди тех, кого персы называют «пожирателями ящериц». Но делать нечего – в стране царит исламская власть, и любое, мельчайшее проявление неуважения к ее порядкам может привести человека прямехонько к стенке или в страшную тюрьму Эвин.

Шах – творец «белой революции» – построил ультрасовременную тюрьму для своих противников, вырастил с помощью американских и израильских экспертов выдающихся пыточных дел мастеров. Исламская власть громогласно отвергла монархию со всеми ее атрибутами, но охотно и без промедления воспользовалась тюрьмой. Главный палач Эвина – Али Техрани был

расстрелян сразу же по возвращении Хомейни. Его место заняли питомцы исламской революции...

Зачем я пишу все это? Разве не описано это более проницательными и одаренными наблюдателями? То, что происходит в Иране, не ново, повторяются события, терзающие людей то в одном, то в другом уголке Земли – сейчас, столетие назад, тысячелетие... Меняются слова и лозунги, но не меняется их исконный смысл, мелькают то чалмы, то генеральские фуражки, то медные шлемы, но остаются неизменными прикрытые ими головы и мысли в этих головах. Или интересна сама картинка, батальные сцены ползучей гражданской войны, где во мраке не видно сражающихся, а лучи прожектора выхватывают из тьмы лишь тела убитых и искалеченных? В чем мораль и назидание таких писаний, к кому они обращены?

Обращены они исключительно к самому себе. Изряднейшая часть жизни прошла в потрясенном революцией и контрреволюцией Тегеране. События наблюдались не со стороны – мы сами становились вольно или невольно их участниками. Жизнь каждого из нас вплеталась в ткань этих событий, пропитывалась резким ароматом тревоги и возбуждения, омрачалась болью за убитых (не за абстрактных убитых, не за цифры из газетных отчетов – за людей, которых мы знали, которые еще вчера жили, разговаривали, улыбались), вскипала негодованием и бессильной яростью.

Были не только взрывы, выстрелы, оружие толпы, банды погромщиков. Город жил, и мы в этом городе жили и работали, ходили по его улицам, дышали его воздухом, смешивались с его толпой.

Так вот, для того, чтобы не ускользнуло из памяти это тревожное, интересное и тяжелое (порой невыносимо тяжелое) время моей жизни, я и пишу эти заметки.

Город приспособляется и к войне, и к исламской революции. След простыл многочисленных иностранных певичек и плясунь, развлекавших тегеранскую публику совсем недавно, закрылись кабаре, рестораны и ресторанчики, разгромлены и сожжены винные магазины и закусочные. На витрины, хвастливо выставлявшие товары всего мира, опустились металлические шторы, покрылись липкой копотью, пылью, дождевыми потеками. На долгие месяцы. На годы.

Но открывались новые мечети. Обносились заградительными валами из мешков с песком, металлическими рогатками помещения многочисленных исламских комитетов и постов стражей исламской революции. Исчезали товары, и все длиннее становились терпеливые, дисциплинированные очереди у лавок, торгующих продовольствием по карточкам. Стоят под палящим солнцем закутанные с головы до ног в черные, темно-серые, коричневые балахоны-хиджабы женщины, путаются под ногами прохожих ребяташки, шепотом выругается мужчина, который никак не может купить причитающуюся ему по карточкам пачку дешевых сигарет. Ругаться надо осмотрительно. Если есть людское скопление, значит, поблизости два-три бородатых парня с автоматами. Они ловят врагов ислама и народа, они упиваются чувством собственной важности и изнывают от безделья – шутить с ними благоразумному человеку совершенно ни к чему.

Но чудеса творятся в Тегеране – отойди в сторону от очереди, от той лавки, где никак не может несчастный курильщик купить свою пачку сигарет, отойди и любуйся лотком уличного торговца – сигареты американские и английские, табак голландский, все свежее и яркое, – выкладывай дневную зарплату и бери пачку «Уинстона». Робко кто-то на первых порах пытался затеять наступление на американские сигареты: «Америка, великий Сатана, все, что исходит оттуда, – порождение Сатаны!» – но так и затихла эта кампания, поддержали ее немногие энтузиасты. Практичные же люди взглянули на дело по-другому, как практичные люди всех стран и времен смотрят на затруднения своего собственного народа.

Разочаровали доброжелательных иностранных наблюдателей бородатые стражи исламской революции, беспредельно, казалось бы, преданные идеалам имама Хомейни. Именно

они организовали масштабную контрабандную торговлю дьявольским американским зельем, поставили ее на широкую ногу, создали неприкосновенную сеть сбыта сигарет по чудовищно высоким ценам. Автоматы, благочестивые лозунги, фанатическим блеском горящие глаза и... беззастенчивая спекуляция!

В Тегеране человек сталкивается со стражами ежечасно и ежедневно, они везде. Мы выезжаем по широкому шоссе, построенному для шаха американцами, в сторону небольшого городка Кередж. Погода отличная (впрочем, в этих краях она почти никогда не бывает пасмурной), движение по дороге небольшое. Издалека видно перегораживающий шоссе самодельный шлагбаум и около него несколько фигур. Нам машут: «Стой!» Останавливаемся. Патруль стражей проверяет транспорт. К нам подходит подросток, скорее мальчик лет двенадцати-тринадцати, тощенький, стриженный наголо, последний раз умывавшийся дня три назад. На мальчике потертая, защитного цвета куртка до колен, рукава подвернуты, на ногах – разбитые спортивные тапочки. Не грубо, но с оттенком высокомерного равнодушия мальчик предлагает путешественникам выйти из машины. Ах, как заманчива мысль – легонько щелкнуть мальчугана по лбу, посмеяться, дать ему на память пустяк какой-нибудь, значок или карандаш, и покатить дальше. Еще проще было бы не останавливаться, а махнуть рукой: «Не видишь, что ли? Машина-то дипломатическая!» Так поначалу некоторые и делали, и поплатились за это. Стражи не очень грамотны, и, если машина не подчинилась требованию остановиться, по ней стреляют вдогонку.

Паренек чумаз, но автомат Калашникова в его ручонках выглядит внушительно и поделовому. Держит его паренек направленным в мой живот.

Подходит страж постарше, с трудом разбирает, что написано в документах, неодобрительно отмечает, что мы «шурави» – советские, и машет: «Проезжайте!»

Что стало с этими несчастными ребятишками? То ли сложили свои головы на иракском фронте, в хузистанских болотах, то ли разорваны на куски гранатой террориста? Или же пали в перестрелке с оппозиционерами?

Из записных книжек

Глядя на нынешний Тегеран, хочется вспомнить о наших далеких предшественниках, видевших Тегеран тогда, когда город не подполз еще к самому подножию Эльбурса, не вобрал в себя деревеньки Нияваран, Таджриш, Дарбанд, Зарганде, не взметнулся ввысь многоэтажными коробками, равнодушно поблескивающими стеклянными стенами на азиатском, таком чужом для них солнце. (Эти коробки из стекла и бетона не имеют ни отечества, ни души, ни привязанности. Они неуместны в наших краях, среди наших берез, они раздражают глаз и на фоне благородных снежных вершин. Это гонцы из безликого, бездушного, синтетического и прямоугольного будущего. Впрочем, я начитался Замятина.)

Можно увидеть, оказывается, и сейчас Тегеран таким, каким его видел Александр Сергеевич Грибоедов сто пятьдесят лет тому назад, и именно в том месте, где пресекался его земной путь. Для этого надо подойти к памятнику Грибоедову, сооруженному в 1912 году на собранные русской колонией деньги, и отсюда посмотреть вокруг. Памятник стоит в парке посольства. На невысоком постаменте в кресле сидит наш бронзовый земляк и читает, десятилетиями, днем и ночью читает что-то написанное на бронзовом листке, слегка, почти неприметно улыбаясь.

Первоначально памятник был установлен рядом с основным зданием посольства, среди кустов вечнозеленого лавра, в окружении двух мраморных ангелочков. Видел памятник смену царских дипломатов на советских; видимо, не совсем одобрил посла Ротштейна, открывшего в духе хорошей иранской традиции посольский парк для посещения местными жителями по пятницам; смотрел на знаменитых участников Тегеранской конференции в 1943 году. В шестиде-

сятых годах посол Г.Т. Зайцев решил, что принявший мученическую кончину в Тегеране великий русский поэт бестактно напоминает иранским гостям о печальном инциденте в истории наших отношений. Памятник вместе с постаментом перенесли поближе к жилому дому, дабы не раздражал он своим видом иранцев. По воспоминаниям ветеранов, этот посол был одержим стремлением разрушать старое и строить на обломках новое. Была уничтожена посольская часовенка в Зарганде, снесена беседка в парке, и построен один из наиболее неудобных и неприглядных домов Тегерана – пятиэтажная душная коробка, с открытыми галереями вместо коридоров, скользящими, на манер железнодорожных, дверьми в туалетах, крохотными кухоньками и стенами, усиливающими житейский шум. Видимо, таково было время.

Грибоедов погиб в феврале. В Тегеране в феврале холодно, мерзнет городская голытьба, кое-как отапливаются дома побогаче. Иногда в феврале идет снег – летят отвесно в полном безветрии тяжелые сыроватые хлопья. Снежные полуметровые шапки ломают своей тяжестью огромные ветви старых чинар, сгибают в дугу до земли молодые деревца. Снег может идти день, два, а затем проясняется небо, и в безупречной, без облачка лазури вновь сияет солнце. Красота неописуемая и – недолговечная.

Но трудовой люд зимой раздражен, жмется по теплым углам, сбивается в кучки вокруг костров, натягивает на себя всю драную одежку – ему не до красоты, надо дотянуть до весны.

Главный тегеранский базар огромен и стар, как сам город. Бесконечные лабиринты крытых рядов, подземные переходы и склады, неведомо куда ведущие лазы, большие, заваленные тканями, посудой, домашней утварью торговые залы и крохотные лавчонки, размещающиеся в стенных нишах. На базаре люди совершают покупки, торгуют, едят, спят, ходят в баню, обсуждают все торговые, городские и государственные дела.

На базаре свои мечети. Они построены как бы и отдельно, в просветах между нескончаемыми рядами лавок, но одна, а то и две стены – общие с торговыми помещениями. Мечеть убрана просто, там ничто не должно отвлекать человека от мысли об Аллахе. В стене, к которой обращаются молящиеся, находится вытянутое вверх углубление (михраб), как бы замурованный, с полукруглым сводом дверной проем. Так указывается кибла – направление, в котором лежит Мекка, а именно к ней должны быть обращены лица правоверных во время молитвы. Стоит небольшая каменная или деревянная кафедра – имбар, за которой размещается по пятницам проповедник – хатиб. Имам, «предводитель молитвы», стоит спиной к молящимся, немного впереди их, лицом к михрабу. Под высоким сводом – светильник. В обычные дни в мечети немногочисленно. Правоверный может молиться на улице, дома, в лавке – его молитва дойдет до Бога. По пятницам мусульманам рекомендуется собираться на молитву в мечети. Туда же они тянутся и тогда, когда возмущается общественное спокойствие, во время бунтов, смут и неурядиц. Проповедники – хатибы – профессиональные агитаторы, до тонкости знающие своих прихожан. Проповедник ведет свою аудиторию, как дирижер – оркестр. Он может заставить своих слушателей заплакать, может довести до фанатического исступления и бросить уже не аудиторию, не собрание благочестивых мусульман, а разъяренную бешеную толпу на улицу громить врагов ислама. Так обстояло дело в 1979 году, так случилось, думаю, и 11 февраля 1829 года, в день разгрома российской миссии и убийства посланника Грибоедова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.